

Александр
Олексюк

КАМЫШИ

рассказы

18+

Александр Олексюк

Камыши

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Олексюк А.

Камыши / А. Олексюк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Перед вами сборник коротких рассказов журналиста из Челябинска Александра Олексюка. Его миниатюры посвящены тем, кого мы обычно не замечаем: кассиру из сетевого магазина, водителю фуникулера, охраннику в офисе «Горводоканала», дворнику, продавцу в электричке — незаметным жителям большого города. «Камыши» — это откровение малых вещей и малых людей. Их будничное, совершенно негероическое, даже, пожалуй, скучное бытие, тем не менее, является настоящим чудом, о котором можно рассказать интересную историю. В сборник вошли 95 рассказов.

Содержание

Начало неведомого века	8
Наташа	10
Конфеты	12
Руки в мозолях	13
Акции отца Сергия	15
Доширак	16
Самовар	17
Книжные воры	19
Ковчег	21
Счастливый дворник	22
Старый дорожный каток	23
То венок, то памятник, то оградочка	24
Рыцарь водоканала	26
Сборщица листьев	28
Волшебный ларек	29
Бука-букинист	31
Как я работал агентом по согласованию	33
Пни из каслинского литья	34
Дом со львом	36
Замечательная орешница	37
Электрический коммивояжер	39
Царь-антенна	41
Панихида для мужского хора	43
Свистки для чайников	44
Вавилон	45
Леха Экстрасекс	47
Пень с крышкой и подъемный кран	49
Конь с изгородью	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Олексюк

Камыши

Камыши

Когда-то я жил в панельном многоэтажном доме, блоки которого зачем-то выкрасили в разные цвета: желтый, нежно-голубой, изумрудно-зеленый, красный, черный. Возможно, застройщик это сделал, чтобы поднять настроение жителям района – всегда немного пыльного, упирающегося в промзону.

Ранней весной, на фоне обилия грязно-коричневых тонов, когда деревья стоят неприлично голые, бесстыжие, не прикрытые ни зеленью, ни желтыми листьями, ни снегом, ни инеем, наш дом напоминал огромный кубик Рубика, кем-то забытый на пустыре. Его пестрые квадраты были собраны как попало. Так бывает, когда кто-то вертит головоломку, вращая оси туда-сюда, без всякой надежды на возможность собрать игрушку. В итоге получилась архитектурная палитра из пикселей, каждый из которых – чья-то комната или кухня.

Почти сразу после переезда я отправился посмотреть каким цветом на кубике Рубика представлена взятая в аренду «однушка». Оказалось, что кухня – черным, а спальня – оранжевым. Как, георгиевская ленточка.

По какому-то неведомому стечению обстоятельств, разноцветный теремок населяли в основном старухи и молодые семьи. Старух переселили из барака, построенного еще в 1950-е для рабочих оборонного предприятия за высоким забором. Ветхий жилфонд снесли, собственникам выделили квартиры в новой панельке, а поскольку дедушки из барака к тому времени уже преставились от пьянства, тоски и сердечных хворей, свежие квадратные метры заселили их седовласые вдовы.

Туда же заселились и рабочие оборонного комбината с женами и детьми. Мой сосед – рыжий электрик Саня – сказал, что застройщик как-то связан с заводом и субсидировал ипотеку.

В доме был всего один-единственный подъезд на множество квартир. Длинные коридоры смыкались в крепких объятиях на лестничной клетке, и часто рабочие, идущие на смену, курили в парадной по одной-две сигареты, прежде чем выйти на улицу. Общались друг с другом, гоготали, громко говорили: «Да ты моришь!». Наверное, специально для этого выходили чуть-чуть пораньше. Такая традиция. В этой странной разновозрастной коммуне я чувствовал себя немного неловко. Старушки общались со старушками и костерили заводчан, те, в свою очередь, общались друг с другом и костерили старушек. Я не вписывался ни в одну из групп влияния, поэтому старался приветливо держаться со всеми.

Среди обитателей бетонного кубика имелась еще одна необычная традиция, таинственным образом связывающая старух и рабочих – два поколения пролетариев. О ней не принято было говорить, но ее все принимали, как некую очевидную данность, прописную истину вроде той, что перед едой нужно мыть руки. Когда очередная старушка уходила в вечность, ее престарелые подруги выносили из квартиры усопшей осиротевшие комнатные растения и выставляли их на подоконник в парадной. Бери кто хочешь.

Смерть той или иной бабули превращала этаж подъезда, где она обитала в маленькую оранжерею. Иногда подоконника не хватало, и тогда у торцевой стены появлялись стройные ряды горшков с фикусами, фиалками, геранью, тещиным языком и, особо популярным в нашем кубике Рубика, алоэ. Говорили, будто с его помощью можно вылечить все что угодно – от ран и ожогов до язвы желудка. «Я как помру, мое алоэ не ставь в подъезд, Сергеевна, обойдутся, гомодрилы, лучше себе заberi», – услышал я однажды, как бабуля-соседка из зеленого кубика говорила с приятельницей.

Если оранжерея появлялась утром, то ближе к вечеру она неизбежно пустела, оставляя на память круглые отпечатки горшков на полу и подоконнике. Жильцы по неписаному правилу не жадничали – строго брали одного сироту в одни руки. Но, так как делали это все без исключения, то фикусы и герани почти никогда не ночевали в подъезде. Пожалуй, я был единственным жителем дома, который не принимал участия в этом ботаническом усыновлении. Кроме одного раза.

Как-то осенью умерла бабушка из такой же, как и у меня однокомнатной квартиры с желтым кубиком спальни и черным – кухни.

– У нас с вами одинаковые цвета квадратов, – однажды сказал я ей, встретив у лифта.

– У вас тоже черная кухня? – спросила старушка.

– Да.

– Как звать-то тебя? – Саша. – ответил я бабушке, заметив, что она единственная из всех старух нашего дома носила платок, завязанный под подбородком, как и положено старушке. Остальные носили все что угодно – береты, панамы, шляпки, все кроме платков, – наверное, думали, что так они сохранят молодость.

– Саша с «Уралмаша», – рассмеялась старушка, заходя в лифт. Больше я ее никогда не видел.

Где-то спустя полгода после этого разговора у подъезда припарковался старый уазик-буханка с надписью «Долг». К нам часто приезжали такие буханки с пафосными названиями мемориальных контор: «Долг», «Скорбь», «Вечность», «Вечный зов».

Рядом причитали соседки.

– Кто преставился? – аккуратно спросил я.

– Дуняша из 89 квартиры, – рыдая, ответили старушки в один голос.

Та самая бабуля с платком из квартиры-дубля. Впервые мне захотелось принять участие в негласной традиции и взять под опеку какой-нибудь кактус бабушки. Я знал, что оранжерею могут быстро расхватать, поэтому, заперся дома, а услышав любой шум за дверью, смотрел в глазок – не выносят ли из 89-й квартиры горшки с цветами.

Около восьми часов вечера оттуда вышли два человека – женщина средних лет, видимо, дочка усопшей, и наша соседка – грузная бабка Зинаида Сергеевна. Ее глаза были немного навыкат, что вызвало ассоциации то ли с Еленой Блаватской, то ли с пожилой Надеждой Крупской. Соседка выволокла одну-единственную вещь, в глазок мне не удалось разглядеть, что именно, и понесла это что-то на подоконник. Выйдя, спустя пять минут, я не обнаружил у окна ни каланхоэ и ни алоэ. Вместо них на подоконнике стояла стеклянная ваза из которой торчали камыши а среди них – три крупных рогоза. Обычный болотный рогоз на тонких, плотных стеблях с коричневыми початками. Никогда прежде я не видел и не слышал, чтобы люди в качестве декоративных растений использовали камыши с рогозом. Я, кстати, сразу понял откуда они – с болота за домом, его хорошо было видно с балкона.

Интересно, о чем думала старушка, когда шла за камышами? «Пойду, наберу камышей, в вазу поставлю. Красиво» или «Всяк человек полюбит фиалку, а ты поди – полюби камыша». Пожалуй, это была очень неслучайная и трогательная дружба – одинокой пожилой женщины, единственной из всех в доме носившей платок, и камышей.

Я забрал гербарий и мне кажется, тоже сумел подружиться с камышами: по принятой в доме традиции – поставил их на подоконник и всегда, когда бросал на них взгляд, думал о скоротечности бытия и о том, что человек, как пух в этом сухом рогозе. Ударил початок покрепче – он треснул, разломил его надвое – пух полетел на все четыре стороны. С виду он плотный, крепкий, а раз – свернул коричневую головешку – и нет его, только пушинки летят...

Съезжая из сумасшедшего кубика Рубика, я решил отпустить букет Дуняши на волю. Вышел на балкон в своем желтом квадрате, разломал початки рогоза – пустил по ветру белое

облако, отправил за ним и сухие, невесомые камыши. Возможно, Дуняша была единственной старушкой дома после которой не осталось ни одного растения.

Начало неведомого века

В 1990-е годы мы каждое лето садились в плацкартный вагон и ехали через всю страну к бабушке: с Севера на Юг, минуя Урал, Самару, Казань, Москву, дремучие брянские леса, на хлебосольную Украину. Мне было сложно понять, почему из года в год родители с таким сожалением говорили друг другу, что опять не получится полететь на самолете. Зачем нужна бездарная, глупая скорость, когда в круглый иллюминатор можно посмотреть лишь несколько минут на взлете и на посадке? Остальное время ничего не видно: облака и холодная, неживая синь. Разве может это сравниться с 4-мя днями в плацкарте?

Я забирался на верхнюю полку, немного приоткрывал тугую раму и часами смотрел на кособокий, деревянный мир. Мне казалось, что нет ничего чудесней, чем глядеть в окно поезда. Никакой телевизор, никакие книги не могли сравниться с уникальной возможностью пассивно наблюдать за усталым бытием своей Родины, укрывшись на верхотуре. Вот люди, согнувшись в три погибели, пропальывают сорняки: в те годы часто сажали огороды прямо под насыпью железной дороги. А вот, уже вечер – кирпичная будка дежурного, в ней горит огонек. Я представлял, как человек в оранжевом жилете сидит в будке на скрипучем стуле и смотрит «Санта-Барбару» или тоже в окно уставился, как и я.

В такие моменты возникало ощущение какого-то невероятного родства с этими людьми за окном, с этими лужами и лесами. Пропахший бог весть чем плацкарт, парадоксальным образом дарил ощущение не гадливой брезгливости, а тотальной радости и покоя. Ветер обдувал лицо, кто-то за спиной тихо говорил и звенел подстаканниками, а поезд ехал, и колеса пели. Русские рельсы – певучие и мелодичные. Если бы их сделали без стыков, музыки бы не получилось. Но конструкторы, инженеры, люди с кульманами и линейками, наверное, любили свой народ, поэтому специально подобрали длину так, чтобы колеса вагона, соприкасаясь со стыками рельса в строгой периодичности, чеканили особый, убаюкивающий ритм. Каждые 25 метров: тудух-тудух, тудух-тудух. Этот звук гипнотизировал, замешивал тесто для ярких, необычных снов.

Я обожал волшебный плацкарт. Во время коротких остановок, когда бойкие бабули пытались просунуть сквозь щель в раме хрустальные фужеры, я громко кричал: «Пирожки! У кого пирожки?!» и десятки рук протягивали мне промасленные газеты, а я протягивал деньги. И никто никого не обманывал. Помню, что всегда после покупки пирожков нужно было подождать пару часов, чтобы началось главное представление нашего путешествия – проезд станции Сарыево под Владимиром. Каждый год, подъезжая к этому селу я, как и другие пассажиры, наблюдал странный перформанс: местные дети, подростки и взрослые становились у старого моста неподалеку от станции и махали поезду руками.

Сложно сказать, по какой причине они это делали. Также неизвестно: приветствовали ли они только наш поезд или все проходящие составы, но это действие повторялось каждый год. «КСарыево подъезжаем, сейчас махать будут», – обычно предупреждала пассажиров проводница. Все обитатели вагона после ее слов бежали к окнам у боковушек, и ждали приближения к мосту. Там уже переминались десятки людей. Подростки опирались на велосипеды, дети стояли в кузовах «муравьев», иногда местные мужики приезжали на лошадях и их круглые, румяные жены махали из телег. А мы махали им в ответ.

Это была странная и чудесная традиция на станции Сарыево. Уже и не вспомню, на протяжении скольких лет она продолжалась, возможно, все 1990-е годы. Зато я хорошо помню, когда она закончилась: с приходом миллениума. В лето 2001-го года я все также ел в плацкарте купленные пирожки и ждал Сарыево, чтобы помахать людям. И все в вагоне тоже ждали – проводница по обыкновению сделала объявление. Но у старого моста никого не было кроме каких-то трех парней, которые при приближении поезда сняли штаны и показали поезду жопы.

Кто-то засмеялся, кто-то плюнул и пошел курить в тамбур, я тоже засмеялся. Потом полез на верхнюю полку, прикрыл окошко и заснул. Приснилось, что родители подарили мне аудиоплеер, я иду по городу и слушаю песню Ich will ансамбля Rammstein.

Наташа

Завод “Калибр” полвека кормил страну микрометрами, угломерами, штангенциркулями и рычажными весами. Если бы не “перестройка”, то рано или поздно “Калибр” бы стал выпускать прибор для измерения бытия. Ареометр плотности человеческой жизни. Но, не сложилось: времена поменялись, и один из цехов переделали под заурядный торговый центр. Название оставили прежнее – “Калибр”.

Холл первого этажа ровно посередине разрезали маленькие павильоны со всякой чепухой. Это были пластиковые клетушки с чехлами для телефонов, электронной мелочевкой, перчатками и ремешками для часов. Такие торговые точки обычно называют островками. В “Калибре” имелся целый архипелаг островков, которые находились в непрерывном тектоническом движении. Их хозяева – в основном 30-летние юноши, вдохновленные тренингами личностного роста – постоянно разорялись и, очевидно, с горя топились в море, как доведенные до отчаяния Робинзоны Крузо.

Но островки, меж тем, не пустовали. Приходили новые робинзоны, и там, где еще недавно пестрели лаки для ногтей, внезапно появились собачьи ошейники или “портреты на холстах”. Они особенно точно характеризовали самую суть калибровского архипелага. Как фотографии, напечатанные на холстах, беззастенчиво симулировали живопись, так и островки с пластиковым ширпотребом симулировали предпринимательство.

Архипелаг дрожал и вибрировал в состоянии бесконечной чехарды: один бизнес-островок разорился, продавец из него перепрыгивал в соседний островок. Быстро, по параболе, как вошь. Та клетушка вчера тоже лежала в руинах, а сегодня уже переливается какими-то разноцветными резиночками и блестками-глиттерами. Название “Глиттеры” на ценнике специально писали крупным, жирным шрифтом, но люди все равно прочитывали слово как “Гитлер” и с любопытством шурились.

В этом подвижном, клокочущем мире прятался единственный островок спокойствия. Голубой Эльдorado. Он замыкал архипелаг и укрывался в проеме под лестницей, ведущей на второй этаж торгового центра. Речь идет о будке, размером чуть больше двухкамерного холодильника, где принимали коммунальные платежи по системе “Город”. Там можно было заплатить за вывоз мусора, горячую воду, свет и “капремонт”. Несмотря на то, что рядом с будкой всегда переминалась с ноги на ногу и кряхтела чуть нервная, седая очередь, пространство вокруг нее не казалось суетливым. Наоборот – будка притягивала людей, как маяк у тихой гавани, она светилась теплым светом и почему-то пахла яблочным компотом.

Внутри работала девушка Наташа, лет 30-33. Сонная, мечтательная, с мышинным хвостиком редких белых волос, носившая старомодные люрексные кофты. Наташу сложно было назвать красивой женщиной, но что-то неуловимое в ней удивляло и завораживало. Она не сливалась с кривой будкой, оклеенной рекламой “Столото”, а сидела в ней будто маленькая перламутровая жемчужина в черной раковине. Ведь, с одной стороны жемчужина – часть моллюска, а с другой стороны – нечто самобытное, дорогое. Так и Наташа. Когда она говорила бархатным, сонным голосом: “Мужчина, за домофон платить будете, считаем за домофон?”, – поначалу казалось, будто с человеком разговаривает сама будка. Но стоило ей продолжить: “Мы безнал не принимаем, сходите наверх, там банкомат на втором этаже”, – как чары рассеивались, и становилось понятно, что под грубым панцирем теплится чья-то немного рассеянная, но драгоценная жизнь.

Наташу все любили. Местные пенсионеры, приходившие с ворохом квитанций, исписанных цифрами, называли ее внучка, а соседи по архипелагу – “солнце” или Натали. Ее каморка была единственным островком постоянства и поэтому к ней тянулись.

Каким-то чудом девушке удалось создать практически материнский, утробный уют в крохотном пространстве каморки. Вселенная Натали со своими галактиками, квазарами и белыми карликами умещалась на полтора квадратных метрах пространства. На задней стенке висел календарь с позапрошлым губернатором, поздравляющим дорогих земляков с “Днем народного единства”. К тому времени этот человек уже давным-давно находился в розыске, его имя вспоминали как мифологему, а в Наташиной будке он походил на праздничный каравай. Просто она так хотела, может быть, ей нравился этот чернявый мужчина с маслянистыми глазами. Над ним, от края до края худой стенки, круглый год висел пушистый, новогодний дождик, приклеенный в виде числа 2010. В 2020 году смотреть на него было очень приятно, казалось, будтоты моложе на 10 лет, сейчас заплатишь за свет, пойдешь в ларек и купишь там банку пива “Старый мельник” по 18 рублей.

У Наташи все находилось под рукой. Рядом с правой – белела катушка с чековой лентой, журнал сканвордов “Тещин язык”, зеленый чайник, тюбик дешевого крема для рук “Чистая линия”. Рядом с левой – на маленькой полочке, – тихо бормотал китайский приемник. Наташа пользовалась телефоном с кнопками, поэтому развлекалась разгадыванием сканвордов и прослушиванием “Русского радио”.

– Наташ, а у тебя когда день рождения? – спросила как-то продавщица трусов Гульнара

– В августе, – смущенно ответила Наташа. – А что?

– Нормальный телефон тебе подарим, – сказала Гульнара, а потом добавила. – Не айфон, конечно, но что б смартфон был, в интернет выходить.

– Мне не надо, спасибо. – Наташа немного покраснела. Телефон был ей не к чему, подключенный к интернету, он бы стал пришельцем во вселенной Натали. Незванным гостем, ворвавшимся в спальню, не сняв ботинки.

– Мне ничего не надо, мороженого, если хотите, можете купить.

Никто никогда не видел, как Наташа приходила на работу, никто никогда не видел, как она уходила. И только администрация “Калибра” и охранник Серега знали в чем дело.

– Вы Натахе с будки будете скидываться на день рождения? – как-то спросил Серега Гульнару.

– Да, хотели ей смартфон подарить, но она говорит, что не надо, – сказала девушка, поглядывая в сторону лестницы. – Не знаю что, может подарочную карту в “Золотое яблоко”?

– Надо ей такую приблуду купить на шею, чтобы спать можно было сидя. Я видел их в интернете, – сказал Серега и полез за телефоном показывать приспособление. – Смотри, на шею надеваешь, нижняя планка в грудь упирается, и можно спать. Нормальная штука. Хорошая – две пятьсот стоит.

– А зачем ей такая штука?

– Так она ж будке живет, уже второй год. Ей Петр Борисович разрешил. Не знала, что ли?

Гульнара не знала. Но узнав, полюбила Наташу еще сильнее, наверное, потому что была хорошим, жалисным человеком. В августе, когда хозяйке будки исполнялось 34 года, несколько продавщиц блесток, Гульнара из павильона с трусами и охранник Серега переплыли со своих островков во вселенную Натали и подарили ей приспособление, чтобы можно было спать сидя.

После закрытия “Калибра” они распили несколько бутылок вермута “Чинзано”, и Наташа призналась, что если месяцами спать сидя, то каждую ночь будут сниться удивительно яркие, красивые сны. “Как в детстве”, – сказала Наташа и засмеялась.

Конфеты

Осенью 2009 года в Магнитогорске наблюдали странное явление: какие-то люди в огромных ростовых-костюмах конфет M&M's уныло бродили по городу. Появлялись то тут, то там, к прохожим не приставали, не раздавали рекламных буклетов, не танцевали и не махали руками. Чаще всего они просто слонялись по подворотням, позвякивая фунфыриками.

Подранные, с опаленными боками, с кусками засохшей грязи на выцветшем ворсе, конфеты напоминали актеров какого-то злого перформанса про общество потребления, однако актерами они не являлись. Мой приятель рассказывал, как однажды утром он возвращался с ночной смены в общагу и вдруг услышал хриплый, но немного глухой голос, как будто говорили из бочки: “Уважаемый, сигареты не будет?”. Под фонарем стояла желтая круглая конфета. Парень протянул сигарету в растопыренные пальцы, синие от наколок. “От души”, – поблагодарила конфета.

Нашествие зомби-M&M's не было массовым, и в промышленной суете Магнитогорска его практически не заметили. Разве что, на популярном городском форуме создали несколько одинаковых тем, дескать: “Видали? Какие-то странные промоутеры ходят в Магнитке, похожие на бомжей”. Ожившие сласти, пережеванные миром, действительно, чаще всего появлялись в местах, где обычно обитают бездомные: на пустырях, у теплотрасс, у помоек и пунктов приема железного лома. Наверное, поэтому армия потрепанных кругляшей не вызвала много шума: мало ли какая галлюцинация может привидеться в смоге Metallургического комбината? Ежик видел сову и лошадку. Похмельные братцы видели потрепанные, похожие на бомжей, конфеты.

В общем-то бомжами сладости и являлись. Тайна их появления раскрылась на том же форуме. Оказывается, все лето в городе проходила промо-акция вышеуказанного конфетного бренда. Наняли промоутеров сначала на месяц, потом на два, потом из Москвы пришло распоряжение продлить акцию до сентября, и за все лето костюмы пришли в негодность. Продать или починить их было невозможно, поэтому аккуратно к первым осенним заморозкам реквизит отправился на помойку.

Бездомные быстро нашли применения славным коконам. Во-первых, кокон теплый, а на улице холодно, во-вторых, в скафандре заморской конфеты можно бродить инкогнито, и никто не догадается, что минуту назад ты употребил фунфырик “боярышника”. Можно упиться внутри домика- M&M'sA и мирно дремать на лавке под сенью старого тополя. Подумают: “Студент, наверное, устал”, полиция тоже не будет трогать красную, желтую или зеленую конфету. Зачем? А то, что “домики” такие подранные, с первого взгляда не заметно. Возможно, облачаясь в костюм, эти люди чувствовали себя внутри материнской утробы – теплого, уютного и безопасного места. Мужчины и женщины, выброшенные миром на обочину жизни, рождались обратом в сферических куклах конфет M&M's.

Где-то с началом зимы кондитерские галлюцинации окончательно покинули город, может быть, бомжам надоела эта забава, или они просто перестали влезать в утробы веселых драже, укатанные, как луковицы, в сто одежек. Немилосердный ветер продувал худые панцири M&M's, гнал их на юг, как грачей.

Интересно, что снилось этим ребята внутри разноцветных скафандров? Кусты сирени и вечный май.

Руки в мозолях

Я просиживал штаны в офисе относительно крупной строительной конторы. Здание компании о пяти этажах чем-то напоминало воплощенную американскую карикатуру 1911-го года с «классической пирамидой капиталистической системы». Там, где на спинах рабочих буржуины уплетают рябчиков, выше располагается армия, потом духовенство, над ним – правители и, наконец, сияющая мамона блестит на вершине. На последнем этаже нашего здания в кожаном кресле восседал директор – толстый еврей Борис Исакович, – четвертый – делили бухгалтерия и юротдел, третий – всякие унылые клерки вроде меня, второй – инженеры, а на первом этаже обитали рабочие, по большей части из тех, кто занимался верхолазанием: кровельщики, монтажники, маляры. Я часто спускался к ним покурить, так как общаться с «трехэтажными» коллегами стало невыносимо после первой же недели, проведенной бок о бок. В свободное время они обсуждали открытие новых торговых центров, отпуск в Таиланде, сериалы. Одна девушка очень любила рассказывать о поэтессе Вере Полозковой и выразительно читала ее стихи на корпоративах.

Треп рабочих в курилке тоже не отличался оригинальностью, да и глупо ее ожидать, но курить с ними мне нравилось больше. Особенно, с Лехой.

Когда я пришел в компанию, Леха отметил 50-летний юбилей. Это был сухой, жилистый мужик, он бодро бегал по крышам и стелил металлочерепицу не хуже молодых парней, всех удельывал в армрестлинге и являлся отцом семерых детей.

Пожимая его заскорузлую ладонь, мне казалось, что Леха бы смог с лёгкостью шлифовать деревянных зверушек, точить ножи или забивать кровельные гвозди одними руками, без инструментов.

На работу он приезжал на старом зеленом минивэне Volkswagen Transporter. Моднейшая машина, она помнила как рухнул железный занавес и, несмотря на старческие пигментные пятна, – бесчисленные «рыжики» по кузову – почти не подводила семейство Лехи.

Меня, кстати, никогда не интересовали автомобили: если в школе пацаны покупали жвачки «Турбо» с фотографиями «Феррари» на вкладышах, я предпочитал «Ловисы» и «Бомбибомы». Но этот ветхий, скрипучий Volkswagen запал в душу, я смотрел на него и умилялся: думал, что в такой машине никто никогда не поедет на выступление Веры Полозковой. В ней бы гармонично смотрелись бойцы RAF Ульрики Майнхоф или агенты Штази, или сектанты-молокане из Орегона или семья Лехи-кровельщика.

«Хороший немец, я туда всех детей загружаю – и старших, и маленьких, – и мы едем куда-нибудь все вместе. Вот, например, в Верхнеуральск недавно ездили, на тюрьму старинную поглядеть. Там, говорят, двоюродная сестра Гитлера сидела», – говорил Леха в курилке.

Несколько раз я видел, как Леха вытаскивал из немецкого минивэна детей: пацанов-погодок лет четырех. Оказалось, что один – самый младший сын, а один уже внук.

Я очень любил наблюдать за кровельщиком и его семьей: простой, добрый и открытый человек, от него отдавало какой-то легкостью и уверенностью. Когда реальность вокруг становилась расплывчатой и мутной, Леха всегда оставался в фокусе и я тоже хотел оставаться в фокусе, поэтому все больше ориентировался на него. А почему бы не ориентироваться на Леху-кровельщика: денег у него не было, во всяком случае – лишних, зато был ржавый Volkswagen Transporter, семеро детей и руки в мозолях.

Собственно, из-за рук в мозолях я и начал рассказывать об этом человеке. Многим позже, когда я уже не работал у еврея Бориса Исаковича, не видел Леху и стал подзабывать здание – «классическую пирамиду капиталистической системы», то от одного священника услышал интересную мысль, которая никогда не приходила ко мне в голову. А ведь Христос не только

проповедовал, на проповедь он вышел лишь в 30 лет, но и с детства трудился. Работал плотником, как и Его отчим Иосиф, знал пилу и рубанок.

Мало кто уделяет этому внимание, но ведь Бог воплотился и с детства зарабатывал на хлеб своими руками, и Его руки тоже были в мозолях, возможно, они были такими же заскорузлыми, как и у отца семерых детей – Лехи-кровельщика. С тех пор я начал немного стыдиться своих ладоней и окончательно лишился гадкой, офисной, спеси по отношению к людям, работающим руками. Мне чем гордиться? Временем, проведенным у монитора? А у них – руки в мозолях.

К слову, в той проповеди священник, кажется, еще сказал: «Хотите нормально жить, по-человечески, осваивайте профессию плотника. И детям своим передайте. Во-первых, она всегда прокормит вас и вашу семью, а во-вторых, этим ремеслом занимался Христос».

Акции отца Сергия

В селе, куда я часто приезжаю к родственникам жены, есть четыре достопримечательности. Памятник первому председателю колхоза Степану Запруде, которого в 1930-е застрелили из “кулацкого обреза Смерть председателю”, стела погибшим красноармейцам, чучело кабана в поселковом клубе и "акции отца Сергия".

Разумеется, наиболее интересной диковинкой являются эти самые акции. Неподалеку от селпо, на проводах ЛЭП колышется ярко-красная авоська. Местные жители говорят, что еще лет 10 назад внутри сетки можно было различить едва заметные бумажки, но со временем они истлели, и осталось лишь алое знамя. Его хорошо видно с дороги, особенно в сильный ветер, когда сетка колышется из стороны в сторону.

На провода авоську закинул священник сельского прихода отец Сергий. Последние лет 15 он служит в церкви, расположенной в крохотном помещении бывшей колхозной сторожки. Места в здании невыносимо мало, но люди все равно приходят на службы и готовы стоять хоть на паперти, хоть возле забора, и даже за забором: любят своего батюшку за строгость и ревность. Собственно, с этими его качествами и связана история красной авоськи.

Когда-то отец Сергий был простым мужиком Сергеем Петровичем Кузнецовым и трудился на единственном в поселке предприятии – небольшом комбинате по производству железобетонных изделий. Сначала завод делал панельные плиты, потом бордюры, в 1990-е годы – стал изготавливать плохонькие надгробия, а к миллениуму предприятие выкупили какие-то армяне и начали его планомерно банкротить. Перед тем, как вывезти станки и продать их по цене лома, армяне принялись продавать акции сотрудникам. Большинство работяг от акций не отказалось. Еще бы, ведь с бумажками они становились “не халявщиками, а партнерами”, хотя по итогам аттракцион невиданной щедрости выжал из сотрудников последние копейки, а за акции они через полгода могли получить разве что по морде. Но вначале об этом никто не догадывался. Кроме отца Сергия.

Переговорщики (их в деревне называли “хачиками”) подстерegli мужика, когда он шел из селпо и по легенде нес в авоське полкило карамелек. История умалчивает, что именно сказали хачики Сергею Кузнецову, но в результате беседы их акции вместе с авоськой и карамельками оказались на проводах, хачики – в травмпункте, а Сергей Кузнецов – в отделении милиции.

Вскоре после этой истории, хозяева завода вывезли все оборудование, мужики по случаю лишения работы запили, потом попытались сбыть “ценные бумаги”, а когда поняли бессмысленность затеи – посжигали их в печках. Запил и Сергей Кузнецов, но, возможно, поскольку сжигать ему было нечего, то он выбросил из дома радио и телевизор и ушел пешком 40 километров в соседний район, в храм, где его крестили ребенком. С тех пор и уверовал.

Теща говорит, что красная авоська действует на жителей поселка как стакан крутого, отрезвляющего рассола. Видно ее почти из каждого уголка села, поэтому, когда местные жители готовы пуститься в какую-нибудь авантюру, или поверить в химеру, то смотрят на нее, матерятся и в химеру не верят.

А внутри здания бывшего завода ЖБИ прямо сквозь пол проросла красавица-елка. Отец Сергий вместе с сельскими малышами любит наряжать ее на Рождество.

Доширак

Однажды нам пришлось заночевать на автобусной остановке в поселке городского типа Кропачево. Стоял холодный октябрь, моросил мерзкий, колючий дождик, куртка отсырела и совсем не грела.

Мой товарищ предложил развести костер: а как его разведешь, если вокруг все мокрое? К тому же, бумаги для розжига у нас не было, не было поблизости и березок с прекрасной горячей корой: только мокрый ковыль, куски какого-то строительного мусора и увядшие стручки иван-чая.

“У меня в рюкзаке “Мивина” – хохлятская бичлапша, с Крыма осталась, она хорошо горит”, – бодро сказал мой спутник, и мы развели костер “Мивиной”. Она, в самом деле, хорошо горела – медленно и деликатно, как сухой спирт. Бичлапша спасла и на следующий день, когда добираясь автостопом до областного центра, мы заварили оставшиеся два пакета. Товарищ накрошил туда дикого щавеля, который назвал “прованскими травами”, и мы трапезничали, и ничего вкуснее никогда не ели.

Бичлапша – это всегда заглядывание за грань, тяжелый, пристальный взгляд по ту сторону горячих наваристых щей и стерильного бизнес-ланча на белой скатерти. Бичлапша – трапеза тревожного путешествия. Лежишь ночью, не спишь, а утром покупаешь 10 пакетов бичлапши и идешь в сторону пригородных касс. У кого сегодня на обед бичпакет? У человека с мешком, у узника, у парня в берцах, который куда-то идет по дорожке. “Доширак”, “Мивину”, “Ролтон” заваривают в поездах дальнего следования, что создает особый, ни с чем не сравнимый запах в вагоне. Юркая зеленая змейка ползет по стальной артерии Транссибирской магистрали, а в ее теплой утробе пахнет “Дошираком”.

Поезд прорывается сквозь сугробы, человек сидит на боковой полке, локтями уперся в шаткий столик и задумчиво всасывает в себя бледно-желтые нити. В окно смотрит на ледяную пустыню, холодную, но настолько родную, что слезы капаят и смешиваются с “Дошираком”.

“Доширак” заваривал наш замечательный Федор Конюхов. Наверное, летел на воздушном шаре над Андами и “дошик” ел складной вилочкой. И все, кто ел “Дошик” складной вилочкой чем-то похожи, они, бывает, просыпаются ночью, в окно смотрят. На улице – слякоть, асфальт покрыт снежной крошкой, но в центре дороги чернеют чьи-то следы, и снег, попадая в эту черноту, тает и не может их припорошить. “Это мои следы” – думает человек и в уме прикидывает, сколько пакетов бичлапши ему надо купить и где лежит паспорт.

Интересно, догадывался ли создатель лапши быстрого приготовления – японец Момофуку Андо – что его изобретение будет так популярно в России? Он мечтал накормить голодных соплеменников сытным и дешевым блюдом, а накормил лихих русских. Тоже голодных, жаждущих весь мир объять и обнять, прошагать и оплакать, а может быть, и сжечь к такой-то матери, запалив мировой пожар кусочком “Мивины”.

Всем хороша бичлапша! Когда мы полетим на Альфа-центавру строить святорусский город-сад, то в пути будем заваривать “Дошираки” и смотреть в иллюминатор умильно.

Самовар

Несколько лет мы снимали квартиру у областного морга. Это было замечательное, тихое место: наша панельная десятиэтажка стояла в окружении реликтовых сосен, верхушки которых заглядывали прямо в окна. Соседи – преимущественно врачи – любили сидеть под этими соснами на раскладных стульчиках и размышлять. Когда пошел второй год жизни у морга я тоже приобрел себе такой стульчик.

Появление на районе множества людей в белых халатах объяснялось просто: в 1960-е годы несколько трехэтажных хрущевок построили прямо в лесу, позади медгородка, чтобы расселить персонал. В 1980-е и 1990-е рядом с ними воздвигли пару панелек, в одной из которых мы и жили. Получился интересный градостроительный фокус: вот бодрствует огромный медгородок, настолько большой, что по его территории впору пускать трамвай, сразу за его воротами стоят четыре дома, которые упираются в корпуса морга. Если хрущевки и серые панельки 97-й серии символизировали жизнь, больница – борьбу за нее, морг символизировал смерть.

Подъезд, в котором мы жили, располагался напротив областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Кто-то выставил большой пузатый самовар в окно этого учреждения, из-за чего мне часто приходилось щуриться: посудина блестела на солнце, пуская веселых солнечных зайчиков. А вот само здание назвать веселым не повернется язык. Оно было строгим, бюрократически холодным и отделяло жилую зону от территории молчаливого большинства, где находилась, собственно, мертвецкая, зал прощаний и еще какие-то мрачные корпуса по типу «туберкулезного морга». Въезжали туда со стороны леса. Мамаши с карапузами в колясках, нерасторопные доктора, их вальяжные дети и внуки почти никак не ощущали, что в двух шагах от них кого-то потрошат. Разве что по окрестностям круглосуточно сновали катафалки. Это создавало заторы, но машины с "грузом 200" настолько примелькались, что воспринимались также, как какие-нибудь «яндекс-такси» или «убер».

Правда, периодически уютный быт двора «на морге» – в округе использовался такой внутрирайонный топоним – рассекал, как кнутом, чей-то вопль. Вопль – значит, помер кто-то молодой, нежданно-негаданно. Со стариками прощались молча, без слов, молодежь иной раз даже улыбалась во время гражданской панихиды, уставившись в телефоны. А коли кричали, значит, смерть была «не своей», хотя, чьей же еще? К крикам, кажется, не смогли привикнуть даже старожилы двора: много раз я курил на балконе и видел, что как только из-за здания бюро судебно-медицинской экспертизы раздавались причитания, врачи сворачивали стульчики и уходили.

Так мы и жили, упокойно – сказал бы Юрий Мамлеев – пока не произошло одно примечательное событие. Позади нашего дома стали рубить лес, вырубил огромную площадку и огородили ее забором. На следующий день после появления забора кто-то нарисовал на нем огромный фаллос. И, надо сказать, неспроста.

Вскоре выяснилось, что за этим забором расчищали место под строительство грандиозного перинатального центра, который спустя полтора года достроили, открыли и с апломбом запустили. Я тогда подумал, мол, надо же, кто-то нарисовал уд детородный, солярный, так сказать, символ, и – вот вам, пожалуйста, роддом.

С появлением перцентра жизнь в квартале изменилась и уже окончательно стала походить на проекцию бытия в миниатюре. Островок человеческой суеты, сосредоточенный в четырех жилых домах, позади – больница, впереди – морг, справа – лес, слева – роддом и все на крошечном пятачке земли в самой большой стране мира. Поскольку в перцентр везли рожениц со всего региона и, как правило, это были сложные беременности, то появление на свет детей каждый день сопровождалось салютом. Счастливые папы день и ночь громыхали шутихами и фейерверками. Сначала на них жаловались, а потом привыкли: кто запретит отцам праздно-

вать жизнь? Но иногда ситуация казалось абсурдной. Из-за зловещего здания бюро, нарастая, всхлипывая, развивая скорость и набирая силу, лился тяжелый плач – кто-то умер. Проходит мгновение, и сбоку, со стороны роддома раздаются взрывы – кто-то родился.

Время, проведенное в таком странном дворе, дало свои плоды: мы много гуляли и размышляли о жизни и смерти, выработав какое-то философское отношение ко всему на свете. А еще, с тех пор у меня особенное отношение к самоварам. Не дает покоя та самая посудина в окне бюро судебно-медицинской экспертизы. Мы переехали уже давно, но я до сих пор отлично помню, как он пускал солнечные зайчики, их очень любили местные кошки и дети.

Книжные воры

В городе закрываются книжные магазины, и на их месте растут и пухнут, как перезревшие огурцы, «Пятерочки» и «Магниты». Колбаса всегда побеждает книги, а «Озоны» с «Лабиринтами» постепенно побеждают традиционные «Библиоглобусы» и «Читай город». Книги – не штаны, их примерять не обязательно.

Трансформация книжных магазинов в фитнес-клубы и супермаркеты уничтожила одну божественную хитрость, которой мы пользовались, когда деревья были большими, а мы – безусыми и голодными.

Вот осень, лужи. Мой братец, с которым я снимал комнату, надевал целофановые пакеты на ноги и тщательно фиксировал их скотчем на лодыжках. Он носил дырявую обувь, с треснувшей подошвой, от чего сквозь щель в резине постоянно просачивалась вода, все мокло, и поэтому приходилось защищать ноги целлофаном. Ранее эти башмаки принадлежали мне, со временем они изорвались, истрепались, потрескались, и я собирался их снести на помойку, однако товарищ забрал штиблеты себе. Обещал починить, но не починил: придумал хитрость с пакетами. Это были контрафактные башмаки с китайского рынка, сшитые под английские Grinders – с железными стаканами в носках. Точнее, еще интереснее: они назывались Camelut и являлись китайской подделкой российского бренда Camelot, который, в свою очередь, копировал английские Grinders. Получилась такая копия копии, обувной симулякр. Благо были пакеты, которые нивелировали весь этот дьявольский постмодерн и превращали китайские башмаки во что-то русское и домотканое.

В ту осень мы вяло учились, а по большей части – практически ничем не занимались и празднично околачивались то тут, то там. Можно было сидеть дома и весь день смотреть в окно или готовиться к семинарам в институте, или идти куда глаза глядят, или отправиться на книжную охоту. Ради последнего братец особенно тщательно заматывал пакеты на ногах: все ж худо читать книгу с мокрыми пятками.

У каждого из нас имелась своя собственная дичь, свой объект, на который затевалась охота. Я, например, читал «Золотой храм» Юкио Мисимы, а мой товарищ «Имя Розы» Умберто Эко. Мы аккуратно накатывали и шли сначала в большой книжный неподалеку от дома. Я находил Мисиму – читал с той страницы, на которой остановился. Братец хлюпал в своих «Камелутах» к стеллажу с Умберто Эко и тоже читал, со страницы, где закончил в прошлый раз. Так проходило от 20 до 40 минут, потом нас выгонял охранник. Мы ожидали этого, не пререкались, а с реверансами и книксенами выкатывались в соседний лес – в литературную мекку времен СССР – исполинский Дом книги. В начале «нулевых», когда мы открывали свои охотничьи сезоны, исполин уже усох, скукожился как шагреновая кожа, и остался маленьким, плотно сбитым карликом: всего-то один зал. Остальные помещения занимали: банк, бар, химчистка и автозапчасти. Карлик, кстати, с тех пор держался еще 15 лет. Недавно я зашел туда вечером и обнаружил женщину-продавца, сидящую практически в темноте. «Свет, сволочи, отключили. Вы покупать? Касса все равно не работает», – не оборачиваясь на меня, глядя в одну точку, сказала женщина. Я покивал, откланялся и потом долго думал, почему она там сидела в темноте? Касса же все равно не работала. Через месяц на дверях карлика появилась ярко-желтая наклейка «Аренда».

А в начале нулевых там были и Умберто Эко и Юкио Мисима и электричество. В этом магазине мы стояли еще по полчаса. А далее шли в следующий, потом еще в один, по традиции немного накатывая после каждого перегона. К вечеру одухотворенные и румяные шли домой, чтобы на следующий день снова намотать пакеты, зарядить ружья и отправиться на охоту.

В ту осень мы прочитали книг по 10. Можно сказать – подстрелили 10 небесных птишек. Тем и жили. А потом стало не до книг, выпал снег, бабушка товарища выслала ему денег и

он купил сапоги. А мои «Камелуты», ставшие с тех пор еще более несчастными и худыми, приютил малознакомый братец, который уехал с ними в Ростов-на-Дону и зачем-то записал в блокнот совет про пакеты. Как будто, это очень сложно запомнить. Ходил, наверное, по ростовским книжным в наших «Камелутах» с пакетами, охотился и тихо накатывал. Это, к слову, не самый плохой способ прожигания жизни, даже, пожалуй, один из лучших.

Ковчег

Я люблю разглядывать лица людей в пробках. Часто они хмурые, недовольные, со вздутыми желваками, как будто из водителей и пассажиров достают осколки гранаты, а они терпят, закусив зубами ремни. Сегодня я снова уперся в затор на дороге и по привычке начал озираться по сторонам: ничего нового – уныние и надутые губы из каждой второй машины. Но в этой скорбной реке – пытящей и воняющей бензином – был островок радости.

Рабочие в желтых жилетах, огородив кусок дороги флажками и лентами, отдыхали. Пробка образовалась частично из-за них, частично из-за аварии на светофоре. Мужики отбойными молотками разломали асфальт, в который дорожники закатали канализационный люк, а пока их товарищи возились в колоде, дядьки бланженствовали на своем чудо-острове. Пили “Буратино” из полторашки, курили, смеялись. Смотреть на них было приятно: нормальные лица, у многих морщины, седые усы, некоторые безусые – молодые. Человек шесть.

Самый бравый мужик активно жестикулировал, что-то доказывая курчавому парню, похожему на цыгана. Тот сидел на синем баллоне, курил, кивал и улыбался как бы извиняясь перед собравшимися. Наверное, натворили что-то. Потом дядька похлопал его по плечу, да с такой любовью и поддержкой, что цыган просиял, а все остальные заулыбались и загалдели, подкурили новые сигареты. Я задумался, а хлопал ли меня кто-то так по плечу? Сейчас по плечу хлопают за деньги, на специальных курсах, или в специфических группах взаимной поддержки, там это принято. А иначе к нам не подойти: личное пространство, вечная опаска показаться наивным и добродушным, подозрительность, нежелание увидеть в человеке брата. “Почему он меня по плечу похлопал? Кинуть хочет, или так свое превосходство демонстрирует?” – подумает парень в синей рубашке, нервно ёрзая на крутящемся стуле.

А рабочие, видимо, привыкли к душевному отношению в коллективе: они не ерзали. Их остров в этой вонючей реке казался ковчегом. Река медленно текла, сигналила и шипя дурной музыкой и идиотскими прибаутками радиодиджеев. Она уносила надутые рожи куда-то во тьму кромешную, а остров стоял и улыбался. Мужик средних лет отложил лом, на который опирался, как на посох, и начал изображать руками какие-то окружности. Я подумал, что он показывает вертель или нечто такое. Через мгновение его коллеги взорвались от хохота. Мне захотелось сделать пробку еще страшнее – остановить машину, переплыть на остров, сесть рядом с цыганом на синий баллон и тоже слушать про вертель.

Но меня унес грязный поток вместе со всеми. Я объехал аварию и встал на светофоре. На соседней полосе тарахтел дизельный мотор большого японского внедорожника. За рулем сидела женщина с пухлыми губами. Очевидно, она накачала их силиконом и по случаю пробки – надула, отчего казалось, будто беднягу покусали осы. А на заднем сиденье вертелись дети, тоже смотрели по сторонам и когда ловили на себе чей-то взгляд – смеялись и приветственно махали руками. Их глаза и улыбки были похожи на глаза и улыбки мужиков из ковчега.

Счастливым дворник

Нет ничего омерзительней, чем сытый, лоснящийся человек, который страшно пучит глаза и ругается с официанткой из-за того, что ему “неправильно подали” блюдо. Я однажды видел такого в ресторане “Баклажан”. Молодому мужчине что-то не нравилось, он кричал, истерично махал руками и даже, кажется, повизгивал, как свинья. Лицо оскорбленного буржуа покраснело, стало напоминать сухофрукты, правая часть верхней губы поползла к ноздре, левая – стекла к подбородку, делая рот уродливым, похожим на кляксу.

“Я сейчас, напишу в Facebook о вас, – угрожал юноша, сотрясая смартфоном. – У меня 5 000 френдов!”

Человеку все неладно, всем человек недоволен: свои претензии к “несправедливому” бытию, уязвленный, однако упитанный, с дебелыми бочками, горожанин, оставляет в Facebook. Кидает туда, как в выгребную яму, колкие замечания, ироничную критику мира. А другие это читают и оставляют такие же ядовитые комментарии. Халва не сладкая, солнце в России не греет нежно, как в Испании, а хлещет по спине раскаленной лопатой, сервис в гостинице ужасный, в сыре мало дырок, дороги в ямах, а все потому что народ не тот, с рабским менталитетом. Описывая превратности судьбы-злодейки, среднестатистический пользователь Facebook убежден, что он достоин большего. Еще бы, ведь: “У меня румяные ланиты, разговорный английский и 5000 френдов в Facebook”.

Грустно смотреть на такого человека, он несчастен, нервно подергивается, никогда не может успокоиться и если доживает до старости – часто сходит с ума и пускает жабы, зеленые пузыри.

Слава Богу есть другие люди, у которых все хорошо. У нас во дворе работал дворник Иван Палыч, ему было около 70 лет. До выхода на пенсию, он лет 40 трудился на тракторном заводе, взрослые дети обитали в Москве, а жил он в соседнем доме с такой же неотмирной, бойкой бабулей. Сложно было найти более счастливого и самодостаточного человека, чем Иван Палыч. Каждый день он светился каким-то тихим и хитрым счастьем.

Вот он в декабре грохочет железным ломом, отбивая куски грязного льда с тротуара. “Здравствуйте, Иван Палыч, как ваши дела?” – спрашиваю. “Отлично! – отвечает Иван Палыч. – С утра встал, погода – прелесть. В обед на лыжах поеду за водой к роднику. Ах, какой у нас хороший родник!” Летом – то же самое. “Как живы здоровы, Иван Палыч?”, – кричу ему с балкона. “Здравствуйте, лучше всех. Вы на озеро поедете? Дождь идет? Так ну и что, что идет, под дождем даже интереснее!” Иван Палыч излучал флюиды добра и благополучия и, казалось, что нет ничего такого, способного согнуть этого человека, заставить его роптать. Ничего и не было: потому что однажды зимой Иван Палыч перестал выходить на смены и постукивать ломом. Оказалось – помер, рак. “Так я ж его еще месяц назад видел, он мне машину из снега откопал, хотя его никто не просил”, – удивлялся я. Выяснилось, что старичок болел уже давно, а по виду и не сказать.

Мне могут возразить, мол, нечего нас с дворниками какими-то сравнивать: мы просто умножили знания и тем самым умножили скорбь, как в книге Екклесиаста сказано. Но критикан из Facebook, который с недовольным, кислым лицом ест маффин и свободной рукой пишет, дескать, ему плохо живется, так как в городе не хватает велодорожек, умножает только нечистоты в выгребной яме. И можно бы было их не замечать, но уж больно это все смердит и режет глаза. Так что выход один – надо сторониться всего такого, братцы и сестрицы, и держать курс в сторону родника в лесу.

Старый дорожный каток

На тупиковой улице, упирающейся в городской сквер, в пространстве между киоском Роспечати и железным скворечником с табличкой «Ремонт обуви» стоял старый автодорожный каток. Он был брошен уже давно и успел как следует заржаветь и пустить корни. Когда-то рабочие, строившие дорогу, аккуратно оставили желтого крепыша у забора и бочком, бочком удалились. Каток стоял день, два, три, никто его не забирал. Наступила осень. Бордовую сидушку катка, обитую дермантином, осыпали желтые листья, которые сначала превратились в пожухлую крошку, однако со временем подмерзли и смешались с грязью. Машину по-прежнему не забирали.

Зимой каток укрыло снегом: детали конструкции стали неразличимы, поэтому издали его можно было принять за маленький, компактный броневилок. Наверное, катку нравился этот бал-маскарад. Неуклюжий, брошенный тяжеловес дремал под одеялом из снега и видел себя на полях сражений. Вот он мчится по вспаханной Родине, перемалывая врагов своим могучим цилиндром, прыгая через окопы и блиндажи. Свистят пули, рвутся снаряды, а ему все трин трава – он несется вперед и раскатывает неприятеля в тонкое, пестрое полотно. Под его цилиндром хрустят Вена и Цюрих, Берлин и Баден-Баден, Нью-Йорк и Тель-авив. Города и страны, попавшие под каток, превращаются в яркие, красочные ковры, в фотообои для старой кухни на даче, в картинки с почтовых марок, в воспоминания. Но однажды наступает победа: верхом на катке торжественно едут счастливые дети с флажками и шариками, женщины осыпают его нелепые колеса цветами.

В реальности все было иначе: весной каток обгадили птицы, покрыв металлический торс белыми кляксами. Он стоял никому не нужный, всеми забытый, тяжелый и одинокий, как могильная плита. В какой-то момент каток окончательно утратил строительную идентичность: «Машина растеряла свое естество», – мог написать бы Андрей Платонов.

Это случилось, в июне, когда задыхаясь от тополиного пуха, что забивался во все щели, каток лениво наблюдал за тем, как худощавый мужчина в вытянутой футболке ловко облил его бочок клеем и припечатал объявление: «Дискотека башкирской молодежи, выступают диск-жокеи, действие сулит много сюрпризов». «Начало конца», – грустно подумал каток. После этого, объявления посыпались как из рога изобилия. Каток медленно покрывался предложениями купить волосы и снять квартиру посуточно, и все больше ассоциировался с вечностью. Вечность пахнет не нефтью, а объявлениями о продаже участка в СНТ «Медик». Впрочем, был всегда кто-то, кто очищал желтое брюхо от рекламного сора. Он приходил ночью и отколупывал бумажки от тела катка. Однако, ту первую печать вечности – с башкирской дискотекой – всегда оставлял. Для остратки.

Я любил бывать у катка, всегда проходил мимо и говорил: «Привет, братец каток. Как твои дела?». «Как обычно», – всегда отвечал каток. И только один раз он спросил у меня:

– Как ты думаешь, насколько долго тебе нужно стоять, прислонившись к столбу, чтобы объявления стали приклеивать не только на столб, но и на тебя?

– Не знаю, наверное, месяц, – ответил я.

– Угу, – промычал, каток. Он был мудрый и сразу понял, что я соврал, ведь хватит и нескольких дней.

Минуло три зимы, каток заметил, что дорога, над которой он когда-то пыхтел, уже постарела, покрылась глубокими морщинами из которых росли васильки и трава. Каток решил больше никогда не просыпаться и заснул навеки. Когда-нибудь его изъеденное ржавчиной тело заберут и выбросят на металлолом.

То венки, то памятник, то оградочка

Я ехал в машине и слушал по радио, как два ехидных ведущих обсуждали неожиданную тему – «дремучий и мракобесный обычай» отмечать места гибели людей, разбившихся в ДТП, венками, крестам и, памятниками.

«Это же черт-те что такое! Что за кладбищенский колхоз?!», – негодовал один. Он настолько рассердился, что дал петуха, сорвавшись на нестройный фальцет. Так пищат струсившие отличники, отвечая на вопросы гопников во дворе. «Борис Абрамович, всё потому что, Россия – мертвая страна. Здесь нет жизни, одни дохляки. Народ поклоняется трупам и смерти, понимаете? Вон, Ленина до сих пор не вынесли из мавзолея», – отвечал ему второй голос.

В отличие от первого он звучал с благородными, можно сказать, кофейными интонациями. Перед глазами возник образ капитана яхты, которого я однажды видел по телевизору: уже пожилой, с хемингуэйевской бородой, в фуражке с филигранным шнурком под кокардой. В новостях о нем рассказывали в контексте педофильского скандала. «В мире и так много всего плохого, я еду домой, к себе за город, усталый, почему я должен смотреть на венки? Вы думаете, мне это приятно? Неприятно. И никому не приятно. К тому же, мы платим налоги за содержание магистралей не для того, чтобы смотреть на оградки и памятники», – продолжал неистовствовать первый голос, он уже перевел дух и перестал писклявить. «Действительно, пьяница разбился, а я должен на его веночек смотреть? И вот еще, скажите-ка мне пожалуйста, земляца, на которой они памятники ставят, кому принадлежит? Они ее оформляют как-то? Платят аренду? На каком основании устанавливают? Кто это проверяет? – бархатно рассуждал второй голос, потом внезапно прервал мысль, словно отвернулся куда-то, и произнес скороговоркой. – А у нас первый звонок в студию, напомним, мы сегодня обсуждаем законопроект, запрещающий самовольную установку мемориальных сооружений на обочинах федеральных трасс. Добрый вечер, вы в эфире...»

Я не стал слушать, что скажет человек в эфире: из-за голосов ведущих заболел затылок, а во рту появился приторный, сладковатый привкус. Показалось, будто меня спустили в тесный погреб и заставили перебирать гнилую картошку.

– Не против, что я выключил? Давайте я другую станцию поставлю. – Сказал я, обращаясь к клиенту, зевающему на пассажирском сидении. В свободное время я подрабатывал в такси и вез уже немолодого мужика в частный сектор.

– «Радио-шансон» включи, 105, 9 фм, кажется, – сипло ответил дядька. Он особо ничем не отличался, разве что носил огромную пыжиковую шапку-формовку, напоминающую каравай, я таких не встречал уже лет 15. У меня самого когда-то имелась формовка, летом я насаживал ее на трехлитровую банку и ставил в сервант.

– Всяко лучше, чем этих мудозвонов слушать, – пробормотал я, настраивая на магнитоле «Радио-шансон».

– И вправду мудозвоны. У меня сын из армии как пришел в 1996-м, так через полгода разбился на мотоцикле, на «Минске», помните такие были, с дефорсированными движками? И ведь в Чечне не убили, а здесь убился. На мокрой дороге, это самое, три километра от дома. Я в том месте, где он «того», памятник тоже поставил и табличку приделал, мол «Разбился на мотоцикле. Вечная память». Лавку еще сладил, столик, по-людски что б все было. Иной раз прихожу туда, сяду, посижу, выпью маленькую, потоскую. Не, на кладбище мы с женой тоже ходим, конечно, но и в этом месте бываем. И вот однажды говорит мне моя – не могу, убери памятник. Дескать, она как с работы едет, так памятник всегда видит и плачет. А я не убрал, пусть смотрит и другие пусть смотрят.

– Это правильно.

– Оно ведь, как бывает. Человек думает, что молодой, фортовый, что впереди – жизнь, а одна секунда и все – «привет» – отец памятник из кусков жести варганит, я ему, кстати, сам памятник сварил, у меня жесь была, крышу стелили, осталась. – Мужик в шапке замолчал, посмотрел в окно, – Ща, как раз проезжать будем, но он с другой стороны, ты не верти головой, а то тоже убьемся.

– А два говнюка, в смысле ведущие на радио, говорят, что им неприятно...

– Неприятно. Умирать тоже неприятно. Люди о смерти не думают, уверены, что они хозяева жизни, развлекаются, пляшут, живут, как эти самые, как пингвины, – у дядьки были особые представления о пингвинах, – а надо помнить, что человек может случайно помереть, вжих – и поминай как звали.

– Прикажет кланяться и долго жить, – зачем-то отметил я. – Ну, раньше так говорили.

Мужик вздохнул и продолжил.

– И вот, значит, едет такой фартовый парень по дороге, а у него перед глазами, куда не погляди: то веноч, то памятник, то оградочка, то крестик! Тут, хочешь-не хочешь, а задумаешься, что ты никакой не молодец, а говно.

– Это верно.

– Вот поэтому и нужны все эти кладбищенские прибаамбасы на обочинах, чтобы с людей спесь послетала. У теплотрассы останови, я выйду.

Мужик в формовке расплатился и побрел к небольшому частному дому с жестяной крышей. Листы жести блестели на закатном солнце, и я подумал, что, будь жив тот парень, убившийся на мотоцикле, то его дети могли бы скатываться с этой покато́й крыши в огромный сугроб у забора.

Рыцарь водоканала

Когда я петлял промеж облезлых хрущевок, серых брежневок-кенотафов и разноцветных панелек, похожих на детские кубики, то думал, что никогда не найду офис горводоканала. Нужный дом прятался, как гриб-боровик, постоянно ускользал из вида, проваливался сквозь землю, а на «Яндекс-картах.» его почему-то не было вовсе. В эту контору мне нужно было заехать за справкой, но не хотелось. Горводоканал казался архетипическим ведомством из страшных снов, где в стеклянных аквариумах увядают нервные, измученные девы в люрексовых кофтах, а по углам резвятся чертята. Я был наслышан о таких местах: зайдешь, а там – бабуля сотрясает клюкой, хаос и очередь, злые лица, и обязательно – гирлянды липкой ленты с мушинными трупикам раскачиваются на сквозняке.

Дом я все-таки нашел – обычная хрущевка, рядом «Пятерочка» и памятник сестричкам, спасавшим раненых во время войны. Тысячу раз я проезжал мимо этого места, дом знал хорошо и очень странно, что не нашел его на картах, может быть, хрущевка спряталась под осиной, когда оцифровывали квартал.

Первый кого я увидел – охранник. Грузный, лет 55 с лихо зачесанными назад волосами, чем-то напоминающий финского режиссера Аки Каурисмяки. «Моднейший мужик», – подумал, таких мало. А он вдруг расплылся в улыбке и начал говорить, обращаясь ко мне:

– Молодой человек, я вам сейчас все расскажу. Значит, по холодной воде, там надо взять талон, смотрите, вот здесь нажимаете на терминале. Все просто. Потом напишите заявление, вон бланки, с ними в 14 окно. Возьмите мою ручку, там, кажется, не пишет. – Достал из нагрудного кармана ручку и протянул мне.

– Спасибо, – отвечаю, а про себя думаю, что дядька мог бы этого и не делать. Сидел бы за столиком день деньской, читал бы романы Юлии Шиловой, или в телефоне бы тупил, поступал бы как тысячи других охранников в водоканалах. Попытка упорядочить хаос, который творится в любых муниципальных ведомствах, где есть прием граждан, выдавала в нем человека весьма идейного и непростого. Я вспомнил известную картину немецкого живописца Каспара Давида Фридриха «Странник над морем тумана» – некто стоит перед обрывом в горах и бесстрашно смотрит в глаза неизвестности, перед ним раскинулось море тумана и он готов его объять или выпить.

Так и охранник в водоканале. Вокруг – анархическая толпа раздраженных, потерянных людей, сиреневый туман, в котором легко заблудиться. Посетители, как слепые котята ходят вокруг терминала с талонами электронной очереди, понятия не имеют куда конкретно идти, что брать, в какое окно стучать. Но над ними возвышается исполин – добрый дядя Степа из мультфильма 1964-го года, он машет полосатым жезлом и превращает броуновское движение в порядок. А мог бы сериальчик смотреть на планшете или играть в «змейку».

Пока я размышлял над этим, охранник приметил, как некая очень пожилая барышня на другом конце зала не может дотянуться до бланков. «Бабушка, вы чего встали?! – кричит. – Сидите, не переживайте, я вам сейчас сам принесу бланки», – выпалил мужчина и бросился за бланками.

Потом он долго что-то объяснял безумного вида старичку и, даже, кажется, рисовал схему (у него оказалась еще одна ручка).

Я решал свои водопроводные вопросы и поглядывал между делом на этого странного дядьку, он всегда кому-то помогал, что-то объяснял, улыбался, показывал, смахивал назад волосы и чуть ли не вальсировал по залу. Это, определенно, не входило в его должностную инструкцию, и бескорыстная помощь осуществлялась по зову сердца. Когда-то давно я слышал от одного священника способ, как правильно жить и работать, не потеряв при этом нить главного предназначения своего бытия – непрерывно двигаться с Логосу, к воплотившемуся Богу

Слову. «Вот вы кладете плитку. Кладите так, как будто вы ее Христу кладете. Везете вы человека в такси, везите так, как будто на заднем сидении – Христос, Бог живой. Умейте в каждом человеке Христа увидеть и ему служите». Возможно, грузный Аки Каурисмяки в офисе водоканала действовал из похожих соображений.

На всякий случай я решил задать ему вопрос в лоб. Спрятал искомую справку в сумку, подошел и спросил:

– Скажите, это ведь ваша собственная инициатива?

– Какая инициатива?

– Ну, помогать всем здесь.

– Это мое хобби, – сказал мужчина и зачесал волосы назад. Было видно, что он очень хороший человек.

Сборщица листьев

У швейцарского художника Эрнеста Билера есть картина "Сборщица листьев". Крестьянка собирает огненно-красные, желтые и оранжевые листья, сворачивая их в белую простыню, как в наволочку. Листья мягкие и ароматные, если на этой подушке заснуть, можно увидеть прятные, осенние сны: про хруст сухих палок, перелетных птиц или мох. Однажды я видел такие сны, задремав на подушке, туго набитой палыми кленовыми листьями. Собрал их, как та крестьянка с картины Билера, в огромный клетчатый баул. Потом тащил его из кленовой рощи через весь город. Прохожие, вероятно, думали будто в бауле тряпки, краденные автомагнитолы или плюшевые медведи, а там были листья.

В тот год мы обитали в странной двухкомнатной квартире в одной из первых хрущевок, построенных на районе. Наша обитель располагалась на последнем – пятом – этаже, и потолок жилища имел очень существенный наклон. Градусов тридцать, не меньше. Возможно, строители изначально положили плиту криво. Это было самое простое объяснение, а в те годы я не любил простых объяснений и предпочитал думать, что дом либо уходит под землю, либо в процессе либерально-демократических реформ загрузил и поник – все ж плод советской архитектурной мысли, тем более, первый на районе.

Как бы там не было, наклон немало раздражал, будоражил фантазию и спровоцировал появление щелей в стенах. Мне не нравились эти щели. Периодически я пытался их чем-то замазать, но особого усердия не прилагал. Однажды сквозь щели, а может быть, из соседней квартиры, где обитал полубезумный дедушка по прозвищу Черномор, в дом проникли клопы.

Несмотря на все усилия избавиться от мерзких тварей, они раз за разом появлялись снова, стоило только выключить свет. Я засыпал, чтобы через 20 минут проснуться от сумасшедшего зуда: клопы как бы расстреливали кожу очередями, оставляя на ней рваные дорожки укусов. Несколько таких ночей, и возникало желание сжечь квартиру вместе с клопами, Черномором и дивным потолком под наклоном.

В какой-то момент, осознав тщетными все попытки борьбы, мы подняли белые флаги и торжественно капитулировали: начали искать жилье без "соседей". Насекомые победили человека.

К тому времени кровососы достали настолько, что у меня стало проявляться нечто вроде фобии или паранойи. Казалось, будто адские клопы притаились где-то и обязательно переедут с нами, продолжив отравлять жизнь и дальше. На фоне мании преследования я выбросил все подушки, одеяла и прочие постельные принадлежности. Оставил только несколько наволочек и простыню, которые кипятил в большой эмалированной кастрюле с красными маками. Нужно было покупать что-то взамен, но денег не было ни копейки, мы (когда я пишу "мы", то имею в виду себя самого и парочку товарищей-горемык) и ели-то мало, зато много пили, куда там – покупка подушек.

На дворе стояла красивая болдинская осень. В такую осень хотелось спать буржуазно – на мягком – но я все выбросил. Тогда в голову пришла идея закатать в одну из наволочек свой пуховик. Получилась относительно мягкая, хорошая подушка. Можно было обойтись и этим, но оставалась вторая наволочка. Как тут не устроить праздник? Я взял баул и поехал в парк, где росли клены, кленовые листья казались более предпочтительными чем березовые или любые другие. Копылся в листьях, как в пене морской, алчно засовывая их в баул. Приволок домой, просушил, затолкал в наволочку... Жаль, что надолго такой подушки не хватило, листья за пару ночей сбились в какую-то гадкую кашу и спать на них стало противно. Впрочем, несколько раз я все-таки засыпал на подушке из кленовых листьев и видел перелетных птиц, мох, сухие ветки и что-то про борзых щенков.

Волшебный ларек

Я сидел на скамейке и наблюдал, как демонтируют один из последних ларьков в нашем районе. На протяжении двадцати лет он стоял под старым тополем рядом с гаражным кооперативом и чем-то напоминал домик Кума тыквы из мультика про Чипполино: уродливый, кривобокий, с рогами тв-антенны, сделанной из пивных банок.

Вокруг ларька возились рабочие, пытаюсь смекнуть, как приладить к этому чудищу стальные тросы, чтобы поставить его в кузов эвакуатора. А вокруг них бегал растерянный мужчина и что-то кричал. В одной руке он держал шапку-жириновку, в другой – файл с бумажками. Но бумажки никого не интересовали, мужика – видимо хозяина ларька – беззлобно отпихивал участковый, а женщина с обесцвеченными волосами сказала: “Гражданин, не мешайте, всё есть в постановлении, оно у вас на руках”.

Спустя минут 20 рабочие закончили колдовство, скрипнули шестеренки, и ларек начал медленно подниматься. Его выдрали с корнем и вздернули, как висельника, но он не хотел сдаваться без боя: лихо накренился в воздухе, начал потихоньку раскачиваться, будто маятник. В какой-то момент мне показалось, что трос вот-вот лопнет, ларек рухнет и раздавит чиновников. Они зачем-то столпились прямо под железным брюхом повешенного и смотрели, задрав головы, как работает маленький кран. Но у ларька не было сил продолжать борьбу, единственное что он сумел сделать – распахнуть форточку, из которой на людей посыпалась грязная посуда, а за ней – пластиковый электрочайник. Следом раскрылась и слабая дверь, она стала страшно скрипеть, открываясь и закрываясь снова. Так бы скрипел крыльями раненый голубь, сделанный из металлолома. И ларек-висельник тоже был сделан из металлолома. Один бок у него синий, другой – серый, еще две стороны были болотно-зеленого цвета. Возможно, в какой-то позапрошлой жизни ларька в его железной утробе сидела кассирша и продавала цирковые билеты или "эскимо". Тогда он цвел и благоухал молодостью и свежей масляной краской, но годы берут свое, ларек побледнел, потускнел и его волокут на плаху.

Металлический крепыш появился у нашего дома, когда я учился в 3 или 4 классе. Однажды, в такой же серый осенний день, я пошел в школу, гляжу, а под тополем – разноцветный кубик Рубика. Вырос, как гриб-боровик. Его окна были заставлены глухой стеной из “сникерсов”, пива, сигаретных пачек, презервативов и жвачки. Мне очень понравился этот ларек. Почти каждый день я приходил и покупал там какую-нибудь сладкую химическую гадость. Покупал и всегда гадал, а кто же сидит в теплом нутре ларька-теремка? За стеной из продовольственного изобилия нельзя было увидеть продавца, не слышал я и его голос. Просто год за годом приходил, стучался в окошко с надписью “24 часа” просил жвачку, а чуть позже – “Золотую яву. Красную”, потом – пиво “Сибирская корона”, сухарики “Кириешки”. Протягивал деньги, чья-то рука высовывалась, забирала купюры, вручала товар и ничего не менялось. Пресловутая "путинская стабильность" плотно ассоциировалась с этим чудесным киоском у гаражного кооператива.

Весной он утопал в тени тополя, зимой его украшали новогодней змейкой-гирляндой, которая извивалась, чтобы проползти между “Дошираком” и пивом “Уральский мастер. Крепкое”. Как-то раз нам продали такую бутылку пива – с витрины. Все та же незнакомая рука освободила ее от мерцающей гирлянды, намотанной вокруг горлышка, и протянула в окошко. В ближайшем подъезде пиво выпил мой товарищ и чуть не впал в летаргический сон.

Тысячи раз я проходил мимо ларька, смотрел на него и размышлял, а кто же там все-таки живет: человек в футляре, карлик, андрогин? Мысль о том, что там сидит простой дядька в вытянувшемся свитере казалась кощунственной и нелепой. Киоск притягивал, как черная дыра, от его приторного изобилия отдавало чем-то уютным и теплым. Я, кстати, заметил, что русские люди одинаково любят, как бесконечный простор чистого поля, так и всякие крохот-

ные каморки: теплушки, сторожки, чердаки и колясочные. За окном вьюга, а в теплушке два на два метра – горячий чай, радиатор и радио "Маяк".

Около 10 лет назад мне все же удалось немного приоткрыть завесу тайны вокруг железного куба с рогами-антенной. Хотя лица продавца я так и не видел, но вот обстановку запомнил. В тот день я покупал печенье "Кременкульское", постучал в окошко, оно распахнулось неожиданно широко, и в глаза сразу бросился суровый быт киоскера: в углу стояла панцерная кровать, заправленная верблюжьим одеялом, какие бывают в поездах, рядом – на столике – пыхтел тот самый чайник, тихо играло радио, пахло семечками. На улице было очень холодно: дул колючий январский ветер, я хотел сказать, брат, пусти меня в ларек погреться, семечки погрызем, посидим. Но я ничего не сказал, вероятно, постеснялся.

"Это не просто ларек, человек в нем живет, как в панцире. Как улитка, или как черепаха, понимаешь? – говорил мне подвыпивший товарищ, прихлебывая "Уральский мастер" – Он оттуда никогда не вылезет, ларек – часть естества его". Я смирился с тем, что рядом со мной живет человеко-ларек – таинственная форма жизни, плод противоестественной связи Горбачева и вишневой девятки.

И вот минуло 20 лет с того самого осеннего утра. И вновь осень, утро. Ларек тихо повезли хоронить по лужам и колдобинам в кузове эвакуатора. Чиновники – крапивное семя – порядком замучились и когда машина тронулась – выдохнули, что-то подписали и поехали следом на "Волге". Начал падать снег, и я уже собирался уходить, но внезапно ко мне на лавочку подсел тот самый мужик с бумажками. Он появился из неоткуда, материализовался из воздуха, я даже не слышал его шагов. Мужчина присел, достал "Золотую Яву", закурил.

– Слушайте, а это ваш ларек был, да? – спросил я.

– Да, мой ларек, – ответил мужик. – Был.

Владелец ларька – не андрогин, не карлик, не человек в футляре – выглядел совершенно заурядно: в жириновке, в черной, безразмерной куртке, с брюшком. Разве что привлекал внимание его дипломат, в который хозяин железного панциря сложил свои бумажки. Такие дипломаты были популярны на исходе СССР.

– То есть, вы там все это время работали? В ларьке, в смысле.

– Ага, с конца 1990-х. Можно сказать жил там. Сначала на армян работал, типа просто продавцом. А потом, лет 15 назад, выкупил у них ларек, оформил ИП и начал сам двигаться. Да вот, похоже, всё. Приехали. – Грустно сказал дядька, потушил бычок, пробормотал "До свидания" и побрел куда-то по лужам.

От этой встречи осталось странное послевкусие, будто пообщался с Диогеном из бочки.

"Вот и сказке конец", – подумал я и тоже побрел куда-то по лужам.

Бука-букинист

В бывшем бомбоубежище, в крохотной комнатухе, такой тесной, что приходится протискиваться туда бочком, сидит одинокий, злющий мужик. Я называю его Бука-букинист. Он продает старые книги и, кажется, делает все для того, что у него их не покупали.

Когда я впервые его увидел, в голове непроизвольно мелькнули строки из Густава Майринка: «Она, должно быть, убирает покойников». В романе «Голем» речь шла о злобной старухе, воспитавшей двух рыжих братцев, но фраза в полной степени характеризовала и Бука-букиниста. Он выглядел так, будто тоже убирает покойников и предпочитает общаться с ними, а не с живыми людьми. Уже седой, огромного роста, с толстыми диоптриями очков, усами, желтыми от табачного дыма, и нервными, тонкими пальцами. Его пальцы постоянно теребили зажигалку и выглядели нелепо: на фоне большой, грузной фигуры они казались пришитыми от другого человека.

С редкими покупателями Бука-букинист не церемонился. «Чего пришел? Нечего тут глядеть! Будешь покупать или нет?!», – внезапно заорал он, когда я рассматривал книгу про Семена Буденного из серии ЖЗЛ. Я вздрогнул, потому что до этого гигантский, исполинских размеров дядька, не обращал на меня никакого внимания – сидел за маленьким столиком, пил чай и внимательно смотрел по телевизору мультим «Незнайка на луне». Чуть позже я обратил внимание, что букинист смотрел мультфильм с кассеты видеомагнитофона.

В первый раз я ушел, ничего не купив. Вылез из подвала в полной уверенности, что букинист сознательно транслирует какую-то странную модель ведения бизнеса. Бизнес-наоборот, идейная работа в минус. Он никак не продвигал свою лавку, орал на немногочисленных клиентов, вывеска подвального магазина стерлась от времени и сливалась с неровным пятном объявлений и граффити у подъезда. Рекламы тоже не имелось: ни сообществ в ВК, ни аккаунтов в «Инстаграм», ни скидочных купонов. Даже на «яндекс-картах» лавка никак не была обозначена. Мне показалось, что это, общем-то, правильно: держать магазин старых книг, как вещь в себе, без ярко выраженного товаро-денежного контекста, как просто место в глубоком подвале. Мужик не был торговцем, сложно сказать, зачем он приходил туда каждый день, сидел среди книг, смотрел старый видик и плевался в пепельницу.

Иногда к нему заглядывал я и время от времени что-то всё-таки покупал: «Маленького принца» Экзюпери, «Гроздь гнева» Джона Стейнбека, Кобо Абэ и новеллы Акутагавы. Еще к нему просачивались, как маленькие, юркие ужики, разные странные люди. Преимущественно это были мужчины в мятых брюках, натянутых едва ли не до груди и в таких же мятых свитерах или олимпийках. Они мало говорили и рассматривали много книг. Букинист орал на них особенно громко. «Какого хера опять приперлись?! Здесь вам не богадельня! Пошли вон отсюда!» – кричал он, размахивая пультом от видеомагнитофона, но люди не уходили, кричали что-то, уставившись в фолианты, поправляя очки.

Несколько лет я захаживал в его лавку и никогда не видел его улыбающимся. Он всегда сидел с крайне суровым и недовольным видом, даже когда молча курил, уставившись в стену. Однако однажды ситуация изменилась.

– Есть у вас книга Станислава Мальцева «Про зайку Петю»? – для маленького сына я хотел купить книгу, которую мне читали в детстве.

С лицом Буки-букиниста что-то случилось: морщины разгладились, брови слегка приподнялись. Он начал говорить быстро и суетливо.

– Зайку Петю? Конечно, есть! Но не здесь. На складе. Понимаете, в лавке очень мало места, часть книг лежит на складе, он у нас дома. Жена ведет учет. В компьютере. Я в нем не разбираюсь. Сейчас я ей позвоню, – скороговоркой проговорил букинист.

– Зайку Петю! На складе! Синяя такая книжка, в мягкой обложке. Найди срочно, – по своему обыкновению кричал Бука-букинист в телефонную трубу. С женой, наверное, разговаривал.

Букинист принес книгу на следующий день.

– Сколько с меня? – Спросил я, забирая книгу.

– Так берите, – впервые улыбнулся Бука-букинист.

Как я работал агентом по согласованию

В студенчестве я работал агентом по согласованию у местного провайдера интернета и кабельного телевидения. Для того, чтобы фирма могла без проблем разместить монтажный ящик с оборудованием в том или ином доме, нужно было получить разрешение более 50% жильцов. Вот тут-то на авансцену и выходил агент по согласованию – обладатель самой грязной и неблагодарной должности в конторе.

День деньской мы стучались в мириады квартир и просили людей поставить заветную подпись в специальном обходном листе, дескать, они не против проведения работ в их подъезде. Платили нам по тем временам неплохо, кажется, по 10 рублей за подпись: 10 квартир обошел – и купил себе пару пива, батон и сырок «Дружба», еще и на трамвай хватало.

Впрочем, деньги доставались непросто: контора отправляла агентов только в самые лютые районы города, в дома, где ранее не удалось решить вопрос через управляющую компанию или ТСЖ. Соответственно, ежедневно был риск получить ножом в теплый бочок за то что ты потревожил чей-то пьяный сон и «пытаешься развести нормального пацана, как лоха». Хождение по бесконечным хрущевкам и брежневкам напоминало русскую рулетку, когда стук в каждую новую дверь – это нажатие на курок: тебе могут поставить подпись, поднести чарку, угостить калачами и караваем, мол наконец-то в наши пенаты проведут оптоволоконный интернет, а могут попытаться зарезать.

Несмотря на некоторый психологический дискомфорт нашего дела, мне нравилось бродить по подъездам и общаться с людьми. В большинстве случаев они посылали меня нахер и подписи не ставили, полагая это каким-то разводом, но в процессе общения с ними я чувствовал себя участником этнографической экспедиции или социологом, высоколобым мужем в пенсе, а не бледным студентом в порванных кедах.

Обойдя тысячи квартир, я натыкался на откровенных психов, алкоголиков, людей с белой горячкой, хохочущих женщин, старух, угрожавших навести порчу, старух, пытавшихся навести порчу прямо здесь и сейчас и бесчисленное количество откинувшихся урок. Обычные, нормальные люди попадались тоже, собственно говоря, их было большинство, но они не задерживались в памяти.

Однажды я, как обычно, постучался в квартиру. После некоторой возни дверь открыл седой, всклокоченный дед в тулупе и валенках. У многих стариков, которые мне попадались, глаза были мутные, безжизненные, а у этого из-под очков смотрели веселые, живые глаза, черные, как угли. Дед пригласил войти. По опыту я знал, что лучше не входить, так удобнее сбегать вниз, если кто-то вдруг решит запереть дверь и пообщаться с тобой более предметно. Но тут вошел. На кухонном столе лежала огромная, старинная книга в кожаном переплете. Почему-то я подумал, что это псалтырь. Дедушка спрашивал меня про кабельное телевидение очень дотошно. «А сколько каналов?», «А как платить?», «А как настраивать» и прочее-прочее. Он смотрел на меня, будто кобра, а я все отвечал, отвечал, отвечал. Прошло около получаса. «Подпись поставьте, пожалуйста», – попросил я, протягивая листок. «Я поставлю, конечно, только у меня телевизора нет, ха-ха-ха! – засмеялся старичок. – И не будет, ха-ха-ха!» Я медленно вышел. В следующей квартире меня без лишних разговоров послали нахрен.

Пни из каслинского литья

Мужчина, похожий на сильнопьющего Сергея Эйзенштейна, угрюмо стоял возле памятника Первой учительнице и продавал всякую чепуху. У продавца были всклокоченные кудрявые волосы, высокий лоб и лицо в серых, глубоких рытвинах. Казалось, будто в Эйзенштейна выстрелили мелкой дробью, перепутав его с лисицей или глухарем. В нем, кстати, имелось что-то от глухаря – хорошо заметная строгость, несмотря на довольно ветхий, унылый вид.

Брат-близнец режиссера разложил товар прямо на бордюре, поверх бархатного знамени какого-то артиллерийского полка. На полотне поблескивал стандартный набор уличного старьевщика: значки, старинный подстаканник, столовое серебро, швейная машинка «Зингер» и пеньки из каслинского литья. Это был самый странный товар в ассортименте Сергея Эйзенштейна – три увесистых чугунных пня.

Каслинский завод архитектурно художественного литья за полтора столетия отлил множество статуэток, тысячи вариантов. Например, чугунный павильон, выставленный в Париже в 1900 году. Громадина с изысканными узорами настолько очаровала французов, что они отдали павильону гран-при на всемирной выставке. Или маленького крепыша-мамонта с откручивающимися бивнями, который несколько лет стоял у нас на подоконнике. Мамонта мне отдал сосед – пожилой урка дядя Миша. Однажды ему очень хотелось выпить и он под залог мамонта попросил у меня 300 рублей на бутылку. Когда я ссудил деньги, дядя Миша бодро достал статуэтку из внутреннего кармана безразмерной куртки и наспех рассказал, в чем же прелесть железного каслинца. «Это мы еще в 70-е делали, по молодости лет. Берешь слона, вот так в шарф заворачиваешь, узлом – объяснял дядя Миша – и получается кистень.» Деньги сосед не вернул, поскольку, прикончив бутылку, той же ночью взломал ларек и уже на следующий день поехал в СИЗО. Мамонт остался у меня, в минуты печали я брал его с подоконника, заворачивал в шарф, как учил дядя Миша, и размахивал получившимся кистенем, словно нунчаками. Убивал чугунным мамонтом демонов уныния.

А тут, значит, пни. Если к мамонту не имелось вопросов – он практичный и красивый – то пни казались монструозными и нелепыми. Кому придет в голову поставить в сервант три иссиня-черных пня? «А это что такое?» – спросят гости. «А это, знаете ли, пни», – ответите вы. Сложно сказать, чем руководствовался скульптор завода, когда решил отлить подобный сюжет. Наверное, подозревал что-то. Что-то подозревать начал и я.

Пенек – символ умиротворения – сухой, кряжистый пень. Он никуда не спешит, никуда не растет, он завершился, закончился. Когда-то в его ветвях гнездились птицы, а теперь они улетели – ни птиц, ни ветвей, ни ствола. Дерево сожгли в печке, или наделали из него скалок, гробов и колотушек. Остался один пенек, из него ничего делать не стали. А зачем же он тогда нужен? А чтобы на нем сидеть! Когда весь мир начнет лететь в тартарары, можно бегать туда-сюда, как дурак, а можно сесть на пенек и тихо поглядывать по сторонам. Это всяко лучше бесплодной суеты и истерик.

Чугунные пеньки напоминают о том, что все завершается. И птицы прекращают петь, и ветви более не шумят, и ноги ходят с трудом, зато есть удобный пень. Пожалуй, набор, каслинских пней – это лучший подарок на день рождения! Он поможет имениннику не размениваться по мелочам и настроиться на особый философский лад.

Сергей Эйзенштейн продавал их по 400 рублей за штуку.

– А нафик они нужны, эти пни? – На всякий случай спросил я, понимая, что обязательно куплю их и поставлю в сервант.

– Да это так-то – карандашницы. – Ответил продавец. – А еще их как стопки можно использовать, там граммов по 70 примерно. У меня дома такие, так мы из пней водку пьем.

Сергей Эйзенштейн явно повеселел, заметив, что я достаю портмоне. Придет домой, никуда не будет спешить, порежет сало с лучком и накатит огненной воды из чугунных каслинских пней. В этот вечер он замедлит жизнь и будет созерцать в тишине.

ДОМ СО ЛЬВОМ

Когда я пришел работать в компанию, которая продает саженцы и семена, мне искренне обрадовался только один человек – 35-летний конторский водитель Коля. У него была черная “Лада-приора” и кустистые брови, делавшие его похожим на молодого Брежнева.

Выездов было мало, поэтому большую часть времени Коля либо мечтал, ерзая на крутящемся стуле, либо что-то ремонтировал. Никто не подумал, что водителю может понадобиться компьютер и ему поставили просто стол. Чтобы не скучать, водитель паял сломанную оргтехнику: наушники, мышки. Офисные тетки любили Колю и приносили ему сгоревшие плейки и утюги, которые он починял, тихо напевая на своем крутящемся стуле.

По местной легенде несколько лет назад Коля пришел устраиваться на работу электриком и приволок с собой паяльник, но произошла какая-то заминка – в электрике отпала необходимость, срочно потребовался водитель. Коля пожал плечами и пригнал “Ладуприору”, паяльник он на всякий случай оставил в конторе.

Коля чем-то отчаянно напоминал своего тезку из фильма “Облако рай”. Он умел удивляться и радоваться буквально всему: ему нравились семена, он обожал саженцы, Коля создавал впечатление практически юродивого, но очень ответственного человека. Когда все вокруг были недовольны, он находил парадоксальные способы радоваться. Например, однажды ему понравился дом и он ездил на него смотреть. Это был старый, сталинский дом на окраине города, с полуистлевшими, осыпавшимися барельефами.

Когда-то верхние этажи здания выкрасили в бордовый цвет, отчего со временем дом стал походить на облезлого петуха. Жили там такие же облезлые, блеклые старики. Но в этом унылом ветхоаварийном здании имелась примечательная деталь – у входа в одну из парадных медленно тлел и разрушался бетонный лев, напоминающий циркового: он стоял в подобострастной позе на задних лапах, поджимал передние, а на сомкнутой пасти держал каменный шар. Точнее, кусок шара – вторая половина еще во времена моего детства отвалилась, обнажив арматуру. Я жил неподалеку и всю жизнь, проходя мимо, тоже заглядывался на льва. На пожухлый дом со львом ездил смотреть и Коля.

– Я, знаешь, такой дом вчера видел. Со львом! Бетонным, конечно. Видал такой? На улице Красных летчиков? – восторженно рассказал мне Коля, нарезая кусочками сало во время обеда. – Такой красивый. Я его как увидел, машину поставил, вышел, закурил и стоял минут 10, на дом глядел.

– А чем же он тебе так понравился, этот дом? – спрашиваю.

– Ну, просто красивый, лев с шаром опять – таки. Я таких никогда не видел. Вчера вечером домой приезжаю, говорю своей, поехали, мол, дом покажу. Красивый. Детей тоже взяли. Всей семье на дом глядели. Сказка, а не дом. Старинный! – уважительно резюмировал Коля.

Я поперхнулся от смеха. Такой потешной мне показалась эта картина: семейство Коли стоит в лучах закатного солнца и умильно смотрит на облезлую сталинку. Мне почему-то казалось, что и жена и дети нашего водителя точно такие же – всему удивляющиеся, счастливые люди. Коля на мой смех, разумеется, не обиделся: угостил меня салом и замолчал.

На следующий день я тоже ходил смотреть на дом со львом, и кажется начал понимать, что имел в виду Коля-водитель и почему ему так хорошо.

Замечательная орешница

У крыши серой хрущевки приколочен железный серп и молот – последний солдат империи. Под ним чадят и клокочут маленькие чертята капитализма: ларьки с шаурмой, торговые центры и спа-салоны, а он висит себе одинокий, как тот лермонтовский парус, и тихо ржавеет.

Металлические серпы и молоты почти везде в городе разломали и посбивали, а этот, как заколдованный: висит себе и висит. Наверное, ждет своего часа.

Рано или поздно его основание окончательно разьет ржа, подует северный ветер, и железный серп и молот глухо упадет на голову какому-нибудь казнокраду или компрадору. И вот тогда на место этой железной конструкции повесят гирлянду или, например, снеговика, поздравляющего "дорогих земляков" с новым годом.

А тем временем, неповоротливая система начнет скрипеть шестеренками. Прокуратура заведет уголовное дело, ведь кто-то должен ответить за несчастный случай, кто-то же “растил” этого ржавого динозавра на крыше. Однажды утром серп и молот в качестве вещдока погрузят в бортовую “Газель” и привезут в участок.

– Семеныч, ептить, ты хочешь чтобы у меня эта хрень в кабинете стояла? Она ж все пространство займет! – в сердцах скажет следователь районного УВД Игорь Бродягин своему коллеге – капитану Федору Семеновичу Анопrienко, который вместе с курсантами МВД при- тащит огромный серп и молот к кабинету на втором этаже. Конструкция грязная и колючая, пока ее будут тащить – в нескольких местах порвут казенный линолеум и перепачкают коридор ржавой кашей.

– И куда ж мне его? Это ж вещдок! – скажет Семеныч.

– Унесите его нахер. Куда-нибудь во двор, где у нас, это самое, однорукие бандиты кон- фискованные стоят. Там под навесом есть место, – ответит ему следователь и подумает, что до пенсии осталось два года, точнее, целых два года.

Следствие ни к чему не придет. Поначалу захотят обвинить управляющую компанию, которая должна была следить за крышей, но выяснится, что по документам на этом месте уже пять лет висит баннер с рекламой ежегодного конкурса “Народный участковый” заказчиком которого является ГУВД. Чтобы не подставляться под прокурорские проверки, дело спешно закроют, а железный серп и молот вместе с другим металлолом во время апрельского суббот- ника отправят на переплавку.

Он еще несколько лет пролежит, придавленный старым холодильником и карданным валом, прежде чем попадет на Волгоградский Тракторный Завод, где из него сделают... трак- тор? Нет, трактора там больше не делают. Из серпа и молота, убившего казнокрада, изгото- вят замечательную орешницу: запекать орешки со сгущенкой, теперь на предприятии делают орешницы. Таким образом повторится сюжет сказки Ганса Христина Андерсена “Старый фонарь”. Старый уличный фонарь – друг звездочки, ветра и селедочной головы – после смерти стал подсвечником, а ржавый серп и молот станет орешницей.

В первый день пенсии следователь районного УВД Игорь Бродягин проснется очень рано: будет еще темно. Тихо, буквально на цыпочках, чтобы не разбудить жену, он пройдет на кухню. Достанет из холодильника бутылку водки, накатит, закусив огурцом, сядет за стол и раскроет ноутбук.

– Теперь с утра пить будешь? – жена все-таки проснулась и ворчит.

– Слушай, мать, знаешь, хочу орешков со сгущенкой, как в детстве, помнишь? В мага- зине фуфло какое-то, мы с мужиками покупали. Приготовишь, а? Вот тут на “Озоне” я вижу, продаются, Волгоградский тракторный завод делает, представляешь. А в войну танки делал.

Игорь Бродягин еще какое-то время посидит в сети, а потом снова накатит и проспит до обеда. Спешить ему некуда. Ему приснится детство. Советский Семипалатинск и он маленький на залитой солнцем кухне ест обжигающие орешки со сгущенкой, а по радио передают 17.00.

Электрический коммивояжер

Электричка – потрепанная железная гусеница – ползла от Ярославского вокзала до станции Сергиев Посад со всеми остановками. Я сидел у окошка и с любопытством следил за выступлением вагонных торговцев, они заходили один за другим, предлагая пассажирам черт-те что: пояса из собачьей шерсти, разноцветные мешочки с лавандой, бамбуковые зубные щетки. В их товарах не было ничего особенного – ерундовый ширпотреб из хозмага, но все торговцы – помятые мужчины, беззубые старухи и бледные юноши – являлись носителями некоего коммерческого гнозиса, знали тайну, заставляющую меня смотреть на них и чуть ли не хлопать в ладоши от удовольствия.

Каждый железнодорожный продавец-приставала демонстрировал свой товар как единственное средство стать счастливым. Это подкупало, распахивало портмоне, кошельки и старушечьи гаманки. Люди всегда ищут счастья, горько плачут и не находят его, но есть выход – скатерть со снегирами! Купи ее, тут же в вагоне, и она станет билетом в рай.

Рослый мужчина в мешковатой куртке, которую я поначалу принял за армейскую плащ-палатку, торжественно извлек из клетчатого баула средство для выведения пятен.

– Предположим, вы испачкали рубашку шоколадом, жирной курицей или кровью. Средство “Баги”, производство Набережные Челны, выводит любые пятна. Попробуйте сами! – громко, как дьякон, затянул “электрический коммивояжер”, вытаскивая из кармана куртки кусок белой тряпки. Я подумал, что сейчас он вызовет добровольца, который должен будет разбить ему или себе лицо, чтобы проверить “Баги” в действии. Но вышло иначе. Выдержав театральную паузу, торговец ловко достал из другого кармана маркер, что-то начертил на тряпке, потом стал подходить к пассажирам с предложением нанести на каракули пену, после чего – вытереть тряпку сухой губкой.

Я знал, что примерно то же самое делают продавцы баснословно дорогих пылесосов “Кирби” – обрабатывают ковры и диваны, а далее показывают набитые пылью и грязью фильтры. Но если торговцы пылесосами обычно щеголяют в строгих костюмах и старательно создают образ уважаемых бизнесменов, то ребята из электрички напоминали бомжей.

Караваны челноков каждый день погружаются в брюхо рогатой гусеницы и шагают по вагонам в сторону, противоположную движению. Поезд едет вперед – они тащат свои тележки и баулы назад. От этого их работа приобретает мистериальный оттенок, а они сами кажутся бессмертными, не стареющими, застывшими в вечности где-то по пути из Сергиевского Посада в Москву в промежутке между 1988-м и 1999 годом. Нет сомнений, что современные иконы “успешных продаж” рано или поздно полетят в тартарары. А когда они это сделают, с насыпи железной дороги на них триумфально посмотрят какие-то взъерошенные люди с клетчатыми баулами и тележками на колесиках. Постоят, покурят, выпьют кофе “три в одном” и разойдутся по оптовым базам за волшебными палочками из ядовитой пластмассы.

– Есть три вида упаковки, по 100 миллилитров, по 250 и по 500 – вариант для дачи и поездок за город! – продолжал торговец. – Если кого-то заинтересует, спрашивайте, отвечу на все вопросы.

Он пошел по вагону, не касаясь пола, раздавая направо и налево флаконы со средством “Баги”, как вакцину от оспы. К нему тянулись десятки рук. На какое-то время в вагоне воцарилась тишина, даже стук колес притих, только старушки натужно кряхтели, извлекая откуда-то из-под сердца кошельки, аккуратно замотанные в целлофановые пакеты. Еще несколько мгновений тишины: пассажиры сжимали в руках флаконы с чистящим средством, как пламенное сердце Данко, по их лицам было видно, что они тотально и бесповоротно счастливы и я был тотально и бесповоротно счастлив вместе с ними, хоть ничего и не купил.

А тем временем “электрический коммивояжер” медленно уплыл в другой вагон. “Заколебали они уже со своим говном”, – неожиданно нарушил молчание какой-то старик в кепке советского таксиста. Эта фраза как бы включила свет на дискотеке в актовом зале – вдруг все кончилось: загрохотали колеса, застучали двери между вагонами, загалдели пассажиры, их лица вновь приобрели буднично-серое, напряженное выражение. “Праздник кончился, добрые люди второпях надевают кальсоны”. Волшебство сиюминутного счастья улетучилось и осело пылью на сиденьях электрички, оставив за собой едва заметное похмелье. Немного болела голова, немного хотелось пить, все казалось немного гаже, чем 10 минут назад. И только какая-то одинокая женщина у самого выхода все также улыбалась, сжимая в худом кулачке 250-граммовый флакон средства для выведения пятен. Сердце Данко горело и почему-то не гасло.

Царь-антенна

Заурядная панелька на окраине города, в которой я родился и вырос, покрыта колючей шубой из каких-то ракушек и камушков. В 1970-80-е годы советские градостроители почему-то любили украшать плиты некоторых жилых домов красивой, солнечной галькой. Наверное, хотели, чтобы она напоминала усталым людям о знойном лете, о белом парусе и теплом море. В детстве мне очень нравились ракушки на плитах, они делали типовую брежневку похожей на затонувший корабль, на древнего кита, обросшего кораллами, оболочниками и анемонами.

Спустя четверть века рыбина почти не постарела: она все также поблескивает своей галькой, символизируя нечто тяжелое и основательное – сундук мертвеца на морском дне. Однако кое-что в ней все-таки изменилось. Пропали антенны с крыши. Их, будто срезали ножницами – вжик – и все: нет антенн. Цифровая цирюльня с ее оптоволоком, кабельным телевидением и “Триколор-ТВ” избавила серую панельку-кита от ненужной, устаревшей “прически” – сотен разнокалиберных антенн. Каждая из них была особенная: у Петровых – похожая на крокодиловую пасть, у Сидоровых – из пивных банок, у Ивановых – напоминала “крылья” космического аппарата “Союз”. Во времена моего детства такие “космические аппараты” стояли частоколом на крыше, их было видно издали, но особенно хорошо выделялась именно наша антенна – самая высокая во всем доме. Шутка ли, речь шла о пятиметровом металлическом шесте, увенчанном огромным круглым “локатором”, вокруг которого “стали в хоровод” семь металлических лепестков. Я не знаю откуда она у нас появилась. Возможно, отец ее сделал сам или выменял на водку на какой-нибудь военной базе за городом.

Антенна мне напоминала цветик-семицветик, исполнявший желания: хочешь – “Что? Где? Когда?” смотри с совой, хочешь – кино про “Индиана Джонса”, хочешь – мультфильмы “Карусель”. Волшебная палочка на крыше дома! Она мокла под дождем, в неё били злые молнии, ее укрывало снегом. Если изображение передачи начинало рябить – отец поднимался на крышу и крутил железный стебель в разные стороны, орудуя антенной, как сачком, которым ловил короткие волны телевидения.

Когда отец с товарищами устанавливал этот железный цветок, я украдкой залез на крышу и наблюдал за их работой. Дул холодный, зимний ветер, они кряхтели, матерились и поднимали чудесную антенну, как те пятеро американских морпехов, водрузивших флаг США на вершине горы Сурибати во время битвы за Иводзиму. Один держит древко у основания, а четверо ему помогают и толкают палку вперед, на ее конце вместо звездно-полосатого полотнища – наш чудесный локатор.

Много лет он служил верой и правдой, поглощая короткие волны и транслируя всякую телевизионную муть и был, что называется, “просто красивым”. Даже когда я уже перестал смотреть телевизор, то все равно любовался нашей царь-антенной – величественной и прекрасной. Но около 10 лет назад пришло время расстаться: квартиру продали, а антенну оставили в наследство новым жильцам. Не думаю, что они догадывались о ее существовании: ну, торчит какой-то кабель из стены, вырвать его, дырку зашпатлевать и делу конец. Зато я не забыл про антенну и часто глядел на нее, когда проезжал мимо в трамвае. Она держалась достойно: бесполезная, оскопленная, но гордая, стройная.

Шли годы, вокруг царь-антенны падали и пропадали ее товарищи. Крышу постепенно очищали от этого хлама. Да и правильно, в общем-то: все равно ведь Петровы, Ивановы и Сидоровы, забыв о своих самобытных “космических аппаратах”, подключали по 200 каналов кабельного телевидения или шли в оппозицию ТВ, предпочитая “сериальчики в интернете”. На фоне стремительно меняющегося отношения к аналоговому телевидению я не мог понять, почему наш железный цветок на крыше никто не срывает? Он был никому не нужен, скорее всего, уже ни одна квартира не пользовалась его услугами, к тому же он выглядел очень нелепо:

стоит такой пятиметровый подсолнух на пустом поле, а вокруг – пара-тройка антенн-подсолнухов по-меньше, то тут то там.

В какой-то момент наша красавица осталась наверху одна-одинешенька. Где-то год стояла и, как тот Макаревич, не прогибалась под изменчивый мир. Однако однажды время не пощадило и ее. Недавно еду, смотрю – нет флага на вершине горы Сурибати. Сняли, стало быть, а старый кит, покрытый ракушками, без расчудесной антенны украшавшей его седую голову, приуныл и поник, я даже не сразу узнал дом детства.

Мне стало грустно. Сидя в трамвае, я подумал, что уже со своими детьми обязательно сделаю такую же славную царь-антенну, даже еще более огромную и монструозную, затащу ее на крышу, подключу к телевизору и мы будем смотреть волшебное ТВ. Такое, которого нет нигде, которого просто не может быть и не было никогда – телевидение затонувших кораблей и старых седых китов.

Панихида для мужского хора

На первом этаже суетливого офисного муравейника кто-то поставил небольшой раскладной столик для буккроссинга. Его деликатно впихнули между мини-кофейней, где вечно усталый бородатый юноша целыми днями играл в шарик на телефоне и банкоматом “Сбербанка”.

На столике, как правило, оставляли всякую унылую беллетристику, популярную среди местных клерков: книги про успех и карьерный рост, бизнес-йогу и развитие личного бренда. Иногда там появлялся хитрый Борис Акунин с самодовольным, надменным лицом, блестел темными очками Пелевин, хмурилась какая-то неведомая Янагихара. Клерки с большой охотой разбирали книги, чтобы через день принести взамен очередную “философию бизнеса” и фэнтези про драконов.

Последние – были завсегдатаями офисного буккроссинга. Одно время в “народную библиотеку” кто-то повадился подбрасывать аж целые серии книг про драконов. Незнакомец не раскрывал все карты разом, а подкладывал их одну за другой, как дровишки в костер: “Драконий экспресс”, “Леди дракон”, “Попаданка в академии драконов”. Мне очень хотелось посмотреть на человека, который забирает что-то из драконьей саги, или на того, кто ее приносит, но я никогда не успевал подойти вовремя. Зачастую в тот же день чьи-то руки складывали это богатство в рюкзаки и портфели. Наверное, люди читали книжки в метро или топили ими изразцовые печи.

Однако однажды реальность со скрипом сдвинулась, изображение зарябило, в воздухе запахло весной. Это случилось, когда на столике я внезапно обнаружил увесистую зеленую книгу советского прозаика Леонида Леонова “Русский лес” – маленький камушек-изумруд в куче булыжников и черепков. Леонов находился в довольно сомнительной компании: с одной стороны в него упирались острые пятки книги “Успех. Спрашиваете – отвечаю” Ирины Хакамады, а с другой стороны – колючие локти книги про консервацию. Леонова я взял себе, а взамен подбросил книгу А.Ляпидевского “Челюскинцы”. Столик перестал казаться алтарем унылейшего карьеризма, что-то с ним стало не так, он немного сдвинулся и развернулся к окну. Возможно, его вертели, как во время спиритического сеанса.

Где-то спустя неделю на столике появилась пластинка “Панихида для мужского хора”. Кому пришло в голову положить туда – между бородатым татуированным баристой и банкоматом “Сбербанка” – панихиду для мужского хора стало понятно в тот же день. Пластинку я забрал себе, а вечером спросил у баристы, кто же ее положил?

– Девушка, Надя, кажется, из ногтевого сервиса на первом этаже. Она тут часто книги оставляет. Про драконов много книг приносила, а сегодня принесла пластинку которую вы забрали, – ответил бариста, поглядывая на шарик в телефоне.

С офиса мы съехали через неделю, а я так и не увидел девушку Надю – любительницу драконов и Панихиды для мужского хора.

Свистки для чайников

Однажды братец, работавший в фирме по продаже семян и саженцев, младшим упаковщиком, обратил внимание на странную конструкцию швабры бабули – уборщицы. Славная была лентяйка с хитроумным приспособлением для отжима тряпки. Было заметно, что система хоть и самодельная, но выполнена на совесть. С ее помощью Лидия Ивановна, так звали технику, сэкономила время – тряпки одним щелчком небольшого рычага на ручке швабры выжимались до состояния перекасти поле в знойный день.

Как-то, ошавев от пересыпания «нерожденных» огурцов из одних пакетиков в другие, братец поинтересовался у Лидии Ивановны:

– А что это у вас за швабра такая интересная? Где вы ее купили?

– Так сама сделала. Тут простая схема-то, зато много сил сохраняет, – скромно ответила Лидия Ивановна.

– А вы где всю жизнь трудились?

– В начале 1960-х пришла на Станкомаш и 30 лет была инженером-конструктором, тактические ракеты делали. Для комплекса “Луна”, слышали про “Луну”? Для танков кое-что. А еще, это моя гордость, я разработала свисток для чайника. Помните были такие, со свистком? Наш завод и чайниками занимался. Голова вообще не отдыхала. Во сне свои ошибки в расчетах и чертежах видела, просыпалась и исправляла, – рассказала не без гордости.

– И не скучно вам сейчас полы мыть?

– А я всю жизнь мечтала выйти на пенсию и работать дворником. – А надо сказать, что Лидия Ивановна еще и подметала территорию вокруг здания. – Тут и физические нагрузки, и воздух свежий, и люди мне улыбаются. Благодать.

Вот так-то граждане, радуйтесь тому, куда вас Бог послал, ведь все-таки чудесно все устроено на святой Руси. Живешь тут год, живешь другой и понимаешь со всей ясностью – проектированием свистка для чайника должен заниматься именно тот человек, который проектирует узлы тактической ракеты “Луна”. А почему так – каждый может подумать сам.

Вавилон

Когда я работал сборщиком тележек в торгово-развлекательном комплексе “Вавилон”, то часто наблюдал за тем, как ведут себя папы, мамы, дочки и сыновья. По субботам они появлялись в ТРК ближе к обеду, немного разминались, оглядывались и начинали потреблять. К делу подходили основательно, засучив рукава, но как-то хаотично: так дилетанты ломают старые избы. Взял кувалду – туда ударил, сюда ударил, захотел – подоконник выломал, потом перевел дух и сорвал дверь с ржавых петель. Посетители “Вавилона” чем-то напоминали этих горе-ломателей: они бегали по ТРК, как частицы в броуновском движении – наткнулись на прозрачные двери, заходили в случайные магазины, пялились на витрины, пока наконец где-то не оседали. Например, в специальных детских центрах.

Чада дрались и кувыркались в мягких загончиках с горками, батутами и волчьими ямами, наполненными разноцветными шариками, а их родители сидели на диванчиках и молча ждали окончания сеанса, уставившись в телефоны. Все это происходило в полном, погребальном молчании. В таком же молчании, они вставали и шли в сторону 3D-кинотеатра, где подрастающее поколение смотрело гадкие блокбастеры про супер-героев, давая возможность взрослым купить йогуртницы и мужские угги.

У меня складывалось впечатление, будто даже эти угги и йогуртницы они покупали молча, не советуясь, лишь делая редкие жесты руками, что-то недовольно мыча с раздраженными, злыми лицами. Потом семьи выходили из магазинов. Представители среднего – более зажиточного класса – носили экологически чистые, бумажные пакеты по-модному – на сгибе локтя, а люди попроще – несли их по старинке, сжав ручки в ладонях. Обычно женщина шла впереди, оглядываясь на витрины, ее супруг – плелся сзади с каменным лицом. Такой скорбной процессией они доходили до дверей кинотеатра, забирали своих ошалевших от спецэффектов отпрысков и отправлялись в кафе на трапезу.

Семьи, как капельки ртути катились бок о бок, боясь соприкоснуться, поднять друг на друга глаза, ведь тогда они рисковали соединиться в одну большую каплю. Я всегда думал, что именно такой каплей и должна являться настоящая семья, однако семьи из “Вавилона” считали иначе. Они были расщеплены на отдельные уродливые кусочки, и каждый неотрывно носился со своими пакостным параллелепипедом – волшебным зеркалом, отражающим черные чудеса.

За обедом такие компании тоже не беседовали, а что-то лениво жевали, уткнувшись телефоны. Бестолковая йогуртница, которую они используют всего один раз и которая обречена вечно пылиться где-нибудь на шкафу под потолком, ждала, когда мама прекратит жевать и скажет что-то вроде: “А какой йогурт мы сегодня приготовим? Давайте из персиков”. Но она ничего не говорила. Угги тоже надеялись, будто отец семейства кинет на них взгляд и строго спросит: “А с какими штанами я буду носить эти чертовым угги? Или их дома нужно надевать вместо тапочек?”. Но и отец молчал – крутил брелок от машины, водил пальцем по экрану смартфона. Ему было плевать на угги и йогуртницу.

По моим наблюдениям какое-никакое общение начиналось лишь в финале “вавилонского паломничества”, на парковке, где я лавировал между машинами, собирая тележки в огромную железную гусеницу, а семьи грузили покупки и рассаживались, чтобы ехать домой. В большинстве случаев посетители “Вавилона”, если и общались на стоянке, то не особо приветливо: 40-летние мужчины с животами людей, которые крепко стоят на ногах, недовольно хмурились, их жены кривили лисьи мордочки, ворчали и срывались на детей: “Ты что, дурак? Смотри куда идешь!”, – истерично кричала барышня с пухлыми, похожими на пельмени, губами своему сыну – парнишке лет 12. Он, в самом деле, не смотрел куда шел, а еле волочил ноги, барабаня пухлыми пальцами по сенсору телефона. “Ты чего на него орешь? Не ори на него, курица!”, – громыхнул отец. Мальчик выслушал это молча и сделал страдальческое лицо,

закатив глаза очень хитроумным способом: его веки остались открытыми, обнажив зловещие белки. Ребенок стал похож на живого покойника. “Я тебе говорила так больше не делай!”, – продолжила скандал мама. “Отвали от него, я сказал!”, – крикнул папа. Это типичный пример, я видел сотни подобных случаев. Потом сваря переругиваясь, рассаживалась в каком-нибудь корейском кроссовере и укатывала в свои районы с приторными “продающими” названиями, от которых всегда немного подташнивает : “Солнечный остров”, “Подсолнушки”, “Рябина-плаза”, “Зябликово” и так далее.

Вот так проходила каждая суббота. Обычно, наслушавшись семейных скандалов, я в расстроенных чувствах гнал свою металлическую гусеницу по парковке, цепляя к нашему поезду все новые и новые тележки. Я здорово научился управлять такими конструкциями: достаточно иметь сильные кисти, и можно собрать локомотив из сорока вагонов. Тележки, разбросанные по парковке, напоминали мне этих несчастных людей со смартфонами: такие же одинокие, потерянные, грустно стоящие в полумраке.

Цепляя тележки, я размышлял так: современная семья остро нуждается в таком же как я – сборщике тележек – без него она обречена на тотальное отчуждение. Нужен кто-то, кто бы ее сцепил. Но кто? В Бога они не верят, государство от решения проблемы самоустранилось, а если и полезет – то сделает только хуже, среди народных авторитетов – перверты и педерасты. Некому сцепить тележки. Что же делать? Так я думал каждую субботу, пока работал в “Вавилоне” и каждую субботу печалился и не находил ответа.

Леха Экстрасекс

В русской деревне сохранилась уже полуистлевшая, седая традиция давать людям прозвища. Прозвище как бы заменяет отчужденное, выхолощенное имя. В секулярном обществе оно больше не определяет жизнь: родители не сверяются со святцами, не нарекают детей в честь святых, а нарекают их просто так – потому что имя понравилось – в лучшем случае – в честь деда, бабушки или Сергея Есенина. То ли дело – прозвище. Во-первых, его надо заслужить, во-вторых, острый народный ум безошибочно подмечает основу человека, делает его поэтический слепок, выражает нутро в емком и живом слове: Васька Лодырь, Петро Ансамбль, Таня Без сдачи. Иногда прозвищами становятся производные от фамилий, но даже в этом случае они часто впитывают в себя какие-то энергии человека и все равно характеризуют его куда лучше чем просто: Вася, Гриша, Руслан Маратович.

В деревне, куда я одно время приезжал каждое лето, восьмидесятилетнего деда – бывшего председателя колхоза – все называли Яшей, хотя по паспорту он Сережа. На вопрос – “почему Яша?”, – люди отвечали как-то уклончиво и многозначительно: “Ну, потому что Яша, сразу ж видно”. За нашей соседкой – огромной, сильной женщиной “кровь с молоком” закрепилось прозвище Анка Врачиха. Говорят, что в молодости она хотела поступать в медучилище, но не поступила, однако для жителей села так и осталась Врачихой. Но более всего меня удивляли прозвища двух мужиков, весьма потрепанных, давно и усердно пьющих: местного пастуха, которого называли Пьером Ришаром, и его друга – мужичка лет 55 без определенного рода занятия, – Лехи Экстрасекса. И если с Пьером Ришаром все было более-менее понятно: он действительно внешне походил на французского актера Пьера Ришара – “высокого блондина в черном ботинке”, – то с его товарищем история оказалась запутанной. Что это вообще такое: Экстрасекс?

Однажды возле селы я встретил Экстрасекса. Тот стоял и стрелял мелочь с похмелья: растерянный, понурый, похожий на опавший клен. Мне стало жалко Леху и я купил ему бутылкой крепкой “Охоты”, себе взял “Жигулей”. После нескольких глотков мужичок подобрел, лицо посветлело, морщины разгладились: самое время разузнать историю странного прозвища, но услышав мой вопрос, он весь как-то скривился и сделал вид, будто понятия не имеет в чем дело. “Надо же – Экстрасекс, ерунда какая-то. Я и женат был, между прочим, жена, правда, ушла”, – сказал Леха.

В процессе разговора “за жизнь” ситуация стала проясняться: оказывается, до того момента, как знакомство с зеленым змием стало необратимо менять сферу Лехиных интересов, он в конце 1980-х занимался не абы чем, а духовными практиками! Накладывал руки, чистил чакры, выводил из запоя: “Люди говорили, что когда я их лечил, они видели, как из них вылетают разноцветные дракончики, которые поедали черных дракончиков, тоже из них вылетающих”, – открыв третью бутылку, хвастался Леха.

Естественно, через несколько месяцев к нему прилипло прозвище Экстрасенс, ну еще бы! Однако шли годы, Лехины чакры заросли паутиной, руки стали грубыми и заскорузлыми, накладывались они все чаще на стопочки да бутылки, взгляд утратил пронзительность Кашпировского. В общем, к концу 1990-х Лехина звезда стала закатываться. Когда от нее остались лишь смутные воспоминания, в работу включился “глухой телефон”, холодный и беспощадный, не щадящий никого, особенно деревенских чудаков, которые выпали из астрала прямоком в поселковую лужу.

Год-два, и бывший чародей из Экстрасенса превратился в Экстрасекса. Скорее всего, произошло это без злого народного умысла, а по каким-то исключительно филологическим причинам, но от прозвища было уже не отделаться. И оно, опять-таки, предстало своеобразной выжимкой из незавидной Лехиной судьбы, потому что деревенский экстрасенс – это смешно

и грустно одновременно, смех и грех, одним словом – экстрасекс. Я не стал говорить ему о своей догадке, хотя в какой-то момент мне показалось, что Леха и сам понимает в чем дело, просто ему было очень неприятно с этим соглашаться.

Накатив с Лехой на завалинке у сельмага, я решил, что отныне буду называть его Кленом. Уж больно он мне приглянулся в таком образе: серый, осенний, печальный. Я подумал, авось прозвище приживется. Клен опадет, переживет зиму, а потом снова зазеленеет. Но больше я о нем ничего не слышал: на следующий год я не приехал, и через год не приехал, и спустя 10 лет не приехал, но если все-таки приеду и встречу Леху, то обязательно скажу: “Привет, Леха Клен”.

Пень с крышкой и подъемный кран

На высоком, широком пне, оставшимся от спиленного тополя, лежала автомобильная крышка. Прошлым летом сотрудники ЖЭКа расписали ее под гжель – белыми и синими каракулями, а внутри разбили клумбу с вербеной. Получился цветник на небольшом пьедестале, высотой по грудь взрослого человека.

В душном июле белоснежные цветы на деревянном троне напоминали шапку сугроба и немного освежали пыльную дорогу за домом. Но ранней весной, когда пень обрамлял рыжий ковер окурков, а из крышки торчали какие-то уродливые стручки, конструкция казалась очень нелепой. Пень в резиновой короне с антеннами.

Было начало апреля. Рядом с пнем стояли два человека – пузатый мужчина и миниатюрная женщина средних лет. Она носила вязаную шапку с надписью 228, что делало ее похожей на мальчика-беспризорника. Мужчина нервно курил, почему-то постоянно поправлял кепку на лысой голове и стряхивал пепел в расписную клумбу из крышки. Его жена теребила в руках сумочку и тоже заметно нервничала.

– Нет, я больше не могу на это смотреть, поехали уже отсюда, – сказала дама и стала переминаться с ноги на ногу.

– Да подожди ты, может они его чинят. Или меняют. Сейчас этот увезут, новый привезут, – с неправдоподобной бодростью прокричал пузатый мужчина.

– Ты сам знаешь, что это неправда. Они его насовсем увозят. Все приехали. Ничего они не построят, – мрачно ответила дама.

Пара стояла у пня с крышкой и наблюдала, как рабочие постепенно разбирают подъемный кран на стройке через дорогу. Строительство вавилонской башни с самого начала шло со скрипом. В то время, как рядом всего за пару лет выростали целые бетонные клумбы с многоэтажками, этот дом рос медленно. Иногда месяцами каменный скелет стоял один-одинешенек на пустыре, и дорога к нему начинала зарастать сорной травой. Но всегда появлялись люди в желтых касках, наспех возводили один-два этажа и снова надолго пропадали. Впрочем, кран неизменно стоял на месте, как часовой, и даже подсвечивал пустую скорлупку здания мощным прожектором.

Полузброшенную панельку было жалко: забор из профнастила вокруг нее оброс афишами в несколько слоев, а паспорт объекта, висевший у въезда на стройплощадку, стыдливо сняли года три назад, когда стало понятно, что стройка идет с серьезной задержкой. Этой весной работа встала окончательно: кран начали медленно, трагически разбирать, а на карте города появился еще один недостроенный истукан. Спустя пять-шесть лет вокруг него вырастут грациозные, тоненькие березки.

Секции крана убирали, его стрела безвольно опустилась вниз, будто вражеское знамя в руках победителя. Для людей, которые вложились в доленое строительство, демонтаж крана – очень тяжелое, травматическое зрелище. Железного великана складывают в сундучок, а с них как будто срезают тонкие полосочки плоти.

– Я в машину пошла, чего тут смотреть? – сказала женщина и развернулась к своему кавалеру, ожидая что тот пойдет за ней. В это время мужчина тушил окурки в пустой клумбе с вербеной. – Кому в голову пришло поставить на пень крышку?

Женщина, плюнула в клумбу и хотела было пнуть пень ногой, но внезапно остановилась, очевидно, пожалев обувь.

– Да они нового подрядчика найдут, чего ты волнуешься? Достроят. Ну или, деньги нам вернут, – продолжал бодриться мужчина, прыгая через лужи за женщиной в шапке 228.

– Хрен они нам что вернут.

Пара села в старенькую иномарку и уехала. Супруги знали, что теперь уже точно перешли в категорию “обманутых дольщиков”, и чтобы не поругаться молчали. В эту ночь им обоим приснился один и тот же сон.

На пне из покрышки вместо вербены выросли волосы. Пенек собрал их в аккуратный пучок и прокричал каменному скелету через дорогу: “Не переживай, брат-долгострой, скоро ты зарастешь вербеной и бархатцами!”

Конь с изгородью

В современном городе тысячи лавочек звенят дверными колокольчиками, шумят кондиционерами и пестрят вывесками. Улица покрыта ими словно ветрянкой: «Татуаж бровей» соседствует с пирожковой, рядом – «Салон кофе и чая», еще через два метра – «Копии. Фото на паспорт». Немилосердный капитализм откусил у народа часть сердца и две трети времени, а взамен упаковал в глянцевую бумагу возможность организовать какую-нибудь невразумительную торговлю блестками и чехлами для телефонов. Шанс дается почти любому – вне зависимости от навыков, талантов и средств человека. «Возьми кредит, открой дело, стань бизнесменом и не работай на дядю» – говорит хитрый капитализм и облизывается.

Каждый второй несостоявшийся буржуа, оформляя статус ИП в налоговой инспекции, лелеет надежду, что именно его блестки и именно его салон педикюра станут фундаментом для будущей империи Генри Форда. Но мир устроен иначе, а потому – вывески меняются чаще, чем к ним успевают привыкнуть дворники и почтальоны. И если сетевые магазины еще могут долго работать, не меняя прописки, то микробизнес лопается, будто пузырьки в упаковке с машинкой для удаления катышков. Вот ты торгуешь блестками, не успел оглянуться – а уже блестки торгуют тобой. Спустя несколько недель на окне лавки появится наклейка: «Аренда».

Однажды я задумался, а сколько инкарнаций может выдержать типичная квартира в брежневке, переделанная под «нежилое»? Сотни? Тысячи? Жилище, задуманное для чаепитий и семейных советов вынуждено пропускать через себя чьи-то нескончаемые проекты, как дешевая проститутка, которая не выбирает клиентов. В доме аккуратно шелестели тапочками по паркету и бегали босыми ногами, но прошло время и теперь какие-то пронырливые люди заходят туда в грязных ботинках, вносят стеллажи, выносят стеллажи, что-то вечно гордят, перестраивают, приколачивают и сносят. Если бы стены могли – они бы выли: слишком много злых теней отпечатывается на них. А вместе с тенями – отпечатываются надежды, радости, человеческие сомнения и разочарования. Бетон чаёт монументального постоянства, один хозяин – одна судьба, но после перевода в «нежилое» его ожидает свальный грех и изнуряющая суета.

В небольшом офисе, мимо которого я часто ходил туда-сюда, одно время принимал клиентов мануальный терапевт Марат, потом там продавали сухофрукты крикливые азербайджанцы. Вскоре они съехали и на их место пришла молодящаяся бабуля с мелочевкой из «Икеи». Сегодня – это кальянная, от которой на много метров вокруг пахнет чем-то сладким и стыдным.

Рядом с кальянной – еще одно заведение. Пару лет назад его занимали киргизы, торгующие шаурмой. Они работали круглосуточно и в принципе ничем особенным не отличались. Разве, что спали прямо там же, где и готовили – в одной из комнат, деликатно прикрытой ширмой. Мне почему-то казалось, что киргизы влезли в почти невинное помещение, превращенное к «коммерческую недвижимость» совсем недавно. Его стены еще помнили старый ковер, когти кота, острые плечи хозяйки и запах лекарств. Классическая ситуация: квадратные метры могли принадлежать дедушке с бабушкой, они умерли, предприимчивые внуки решили не продавать их жилье, а оформили все документы, получили разрешение, принарядили квартиру, ярко её покрасили и выставили на панель.

Заехавшие туда киргизы особенно не церемонились ни с ремонтом, ни с чем бы то ни было – воткнули посреди зала барную стойку, поставили печку, холодильник и вертель для мясных туш. Над их головой чернела эпитафия антресолей, – память от прошлых хозяев. Архитектурная особенность комнаты делала эту нишу почти незаметной, едва уловимой в темном углу, но если приглядеться, то там можно было различить несколько клетчатых баулов и чугунную статуэтку коня с изгородью.

Киргизы работали ловко и ладно. Зажимая шаурму в горячих тисках, рассказывали мне о волнениях в Оше и исламистах.

В один прекрасный день история восточного павильона закончилась. Как всегда в таких случаях – внезапно: просто однажды его двери оказались закрыты. Вскоре убрали вывеску «Шаурма», и через несколько недель какие-то девочки открыли там кафе с хачапури. Девушки тщательно выскребли-вымыли помещение, прогнали киргизский дух и сделали место модным и крафтовым. Стены расписали портретами веселых грузинов с усами, но нишу антресолей почему-то не заметили и коня не убрали. Он стоял все там же – монументальный друг монументальных бетонных стен, тяжелое, чугунное постоянство посреди дискотеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.